

Dictum – Factum:

от исследований к стратегическим решениям

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Иностранные языки»
Кафедра «Теория и практика перевода»**

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 6

**The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Sevastopol State University”
The Institute of Social Sciences and International Relations
The Department of Foreign Languages
The Department of Theory and Practice of Translation**

**Dictum – factum:
from Research to Policy Making**

EDITED VOLUME

ISSUE 6

Sevastopol – Belgorod
2022

Главный редактор: КОМУЦЦИ Л. В., доктор филологических наук, доцент, СевГУ
Научный редактор: ИВАНЦОВА Ю. А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ

Редакционная коллегия:

БАРАНОВА А. В., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ДЕЛЬВИГ Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
КАБАНКОВА Е. Н., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
ЛОБКОВ А. Е., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
РУДЕНКО Н. С., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
БРАСЛАВСКАЯ Е. А., старший преподаватель, СевГУ
ЛЫСЕНКО В. В., старший преподаватель, СевГУ

D53 **Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям:** Сборник научных трудов / главный редактор Комуцци Л. В., научный редактор Иванцова Ю. А., ред. колл.: Баранова А. В., Кабанкова Е. Н., Лобков А. Е. [и др.]. ; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук и международных отношений. – Белгород: ИПЦ "ПОЛИТЕРРА", 2022. – Выпуск 6. – 71 с. – Текст : электронный.

Сборник «Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям» включает статьи по гуманитарным и общественным наукам молодых и опытных исследователей России и зарубежных стран. Журнал предназначен для ученых-гуманитариев, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и методической работе. Статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за точность цитат, имен, названий, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Мнение редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

Сборник имеет Международный стандартный номер сериального журнала ISSN, и информация о публикуемых статьях передается в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ. Электронные версии выпусков находятся в свободном доступе на сайте Севастопольского государственного университета <https://www.sevsu.ru/nauka/pechat-izdaniya/sbornik-nauchnykh-trudov-dictum-factum-ot-issledovaniy-k-strategicheskim-resheniyam/>.

© ФГАОУ ВО «СевГУ», 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Редакционная коллегия, 2022
© ООО «ИПЦ "ПОЛИТЕРРА"», 2022

Editor-in-Chief: KOMUTSTSI L. V., Doctor of Science in Philology, Associate Professor, SevSU
Scientific Editor: IVANTSOVA Yu. A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

Editorial Board:

BARANOVA A. V., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
DEL'VIG N. A., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
KABANKOVA E. N., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
LOBKOV A. E., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
RUDENKO N. S., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
BRASLAVSKAIA E. A., Senior Lecturer, SevSU
LYSENKO V. V., Senior Lecturer, SevSU

D53 **Dictum – factum : from Research to Policy Making::** Collection of research papers / editor-in-chief Komutstsi L. V., scientific editor Ivantsova Yu. A., ed. board: Baranova A. V., Kabankova E. N., Lobkov A. E. [et al.] ; the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, the Institute of Social Sciences and International Relations. – Belgorod: PPC “POLITERRA”, 2022. – Issue 6. – 71 p. – Text : electronic.

“Dictum – factum: from Research to Policy Making” includes articles on humanities and social sciences written by young and experienced researchers from Russia and abroad. The journal is addressed to humanities scholars, educators, postgraduates, undergraduates and students. The articles included in the collection have been peer-reviewed and are presented in the authors’ wording. Responsibility for the accuracy of citations, names, titles, as well as for compliance with the laws on intellectual property is borne by the authors of the published materials. The opinion of the editors does not always coincide with that of the authors.

The collection has an International Standard Serial Number ISSN, and information about the published articles is submitted to the Russian Science Citation Index (RSCI). Electronic versions of the issues can be accessed on the website of Sevastopol State University <https://www.sevsu.ru/nauka/pechat-izdaniya/sbornik-nauchnykh-trudov-dictum-factum-ot-issledovaniy-k-strategicheskim-resheniyam/>.

© SevSU, 2022
© Composite authors, 2022
© Editorial board, 2022
© LLC "PPC "POLITERRA", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Носкова А.В.

КОМПОЗИЦИЯ И СИНТАКСИС РАССКАЗА ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ “THE SNOWS OF KILIMANJARO”.....10

Ожегова Т.Ю., Михайлова Е.В.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ.....16

Рахмангулова А.М.

АРАБСКИЕ СЛОВА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ.....21

Чекалов К.А.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОПУЛЯРНОГО РОМАНА У УМБЕРТО ЭКО.....24

Шилова В.В.

КОМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ “SHREK” И “SHREK 2” И ИХ ПЕРЕВОД.....27

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ, МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Богза Е.А.

МАГИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ В БЫТУ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ФОРМА МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.....33

Игошин Я.Е., Сятрайкин Е.Г.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЕМЫ МНЕМОТЕХНИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....38

Комуцци Л.В.

РОССИЙСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР.....44

Мухина В.А.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ.....48

Терещенко Ю.А., Елфимова А.С.

ОБРАЗ КРЫМА В КИНЕМАТОГРАФЕ РАЗНЫХ ЭПОХ.....57

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кармызова М.А., Смеричинский И.М.

ВЛИЯНИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....61

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....67

CONTENTS

GENERAL LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Noskova A.V.

COMPOSITION AND SYNTAX OF ERNEST HEMINGWAY'S STORY "THE SNOWS OF KILIMANJARO".....10

Ozhegova T.Y., Mikhailova E.V.

NATIONAL-CULTURAL AND LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH, RUSSIAN AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ANTHROPONYMIC COMPONENT.....16

Rakhmangulova A.M.

ARABIC WORDS IN THE BASHKIR LANGUAGE.....21

Chekalov K.A.

QUELQUES REMARQUES SUR LA PÉRIODISATION DU ROMAN POPULAIRE PAR UMBERTO ECO.....24

Shilova V.V.

COMIC ELEMENTS IN THE ANIMATED FILMS "SHREK" AND "SHREK 2" AND THEIR TRANSLATION.....27

SOCIAL SCIENCES: PEDAGOGY, PSYCHOLOGY, MASS COMMUNICATION

Bogza Ye.A.

MAGICAL RITUALS IN THE EVERYDAY LIFE OF MODERN HUMANITY AS A FORM OF MYTHOLOGICAL THINKING.....33

Igoshin Ya.Ye., Syatraykin E.G.

NEW MNEMONIC TECHNIQUES FOR FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION IN THE CONTEXT OF ACCELERATED DIGITALIZATION.....38

Komutstsi L.V.

LE CINÉMA RUSSE DANS LE CONTEXTE DU DIALOGUE DES CULTURES.....44

Muchina V.A.

COMPARATIVE STUDY OF THE LEXICAL AND GRAMMATICAL SPEECH STRUCTURE OF THE STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS.....48

Tereshchenko Yu.A., Yelfimova A.S.

LA CRIMÉE EN CINÉMA DE DIFFÉRENTES ÉPOQUES.....57

ECONOMICS

Karmyzova M.A., Smerichinskiy I.M.

THE IMPACT OF THE LEGALIZATION OF PARALLEL IMPORTS ON THE ECONOMIC
SAFETY OF THE RUSSIAN FEDERATION.....61

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....70

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.111.81'367.82.081

КОМПОЗИЦИЯ И СИНТАКСИС РАССКАЗА ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ “THE SNOWS OF KILIMANJARO”

Носкова А.В.

Научный руководитель: Комуцци Л.В.

COMPOSITION AND SYNTAX OF ERNEST HEMINGWAY'S STORY “THE SNOWS OF KILIMANJARO”

Anna V. Noskova

Scientific advisor: Liudmila V. Komutstsi

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является анализ композиции и синтаксиса рассказа Эрнеста Хемингуэя “The Snows of Kilimanjaro”. Особенности этих структурно-коммуникативных элементов текста рассматриваются с позиции рецептивной стилистики. Используя методы композиционного анализа и метода текстовых партитур, мы интерпретируем идейное содержание рассказа. Авторские смыслы актуализируются специфическим композиционным и синтаксическим построением текста, в котором хемингуэйский принцип телеграфичности сочетается с композиционно-речевыми формами внутреннего монолога и потока сознания. Анализ показывает, как чередования диалогов, которые определяют членение текста на короткие синтагмы-предложения, и фрагментов, представляющих работу сознания героя, с длинными предложениями и развернутой системой синтаксических связей, определяют повествовательный ритм, вовлекающий читателя во внутренний мир героя и его критический самоанализ. Результаты исследования могут быть использованы для исследований функций синтаксиса в авторском стиле Хемингуэя и в англоязычной психологической прозе в целом.

Ключевые слова: синтаксический ритм текста, композиция, текстовые партитуры, структура предложения, Хемингуэй, “Снега Килиманджаро”.

ABSTRACT. The aim of the article consists in the analysis of the composition and syntax of Ernest Hemingway's story “The Snows of Kilimanjaro”. The characteristics of these structural and communicative elements of the text are considered in terms of receptive stylistics. Using the methods of compositional analysis and the method of text scores, we interpret the ideological content of the story. The author's meanings are actualized by the specific compositional and syntactic design of the text, which combines Hemingway's principle of telegraphy with the compositional and verbal forms of internal monologue and stream of consciousness. The analysis demonstrates how the alternations of dialogues, which determine the text's division into short syntagmatic sequences, and fragments representing the work of the hero's mind, with their long sentences and an extended system of syntactic links, determine the narrative rhythm that engages the reader in the inner world of the hero and his critical self-analysis. The results of the study can be used for further research into the functions of syntax in Hemingway's authorial style and of the anglophone psychological prose in general.

Keywords: syntactic rhythm, composition, text scores, sentence structure, Hemingway, “The Snows of Kilimanjaro”.

Первая треть XX-го века была ознаменована потрясениями в политике, экономике и культуре. В мировой литературе в этот период происходит переход от реализма к

модернизму – направлению, отличающемуся отказом от традиционных форм и жанров, поиском новых и необычных способов отражения стремительно меняющегося миропорядка. Проза и поэзия Эрнеста Хемингуэя являет собой яркий образец индивидуальной техники модернистского письма. Одним из основных и многократно описанных приемов его стиля является «телеграфичность», которая определяет синтаксический облик текста, придавая ему краткость, лаконичность, точность и кажущуюся сухость. Исследователи творчества Хемингуэя отмечают, что данное явление обусловлено вовлеченностью автора в журналистскую деятельность [4]. Само проявление основных свойств телеграфичности в тексте можно назвать своего рода литературным минимализмом [3; 10 и др.].

В лексическом плане в прозе Хемингуэя доминирует тавтология – повторы стилистически нейтральных ключевых слов в их денотативных значениях – а в синтаксисе – «рубленные фразы». Сам Хемингуэй говорил, что «проза – это архитектура, а не устройство декоративных интерьеров» [13] и избегал сложный речевых оборотов, пытаясь максимально изображать «правду жизни» своей эпохи с ее алогичностью и обесцененностью.

Тем не менее, сухость и «рубленность» телеграфического стиля Хемингуэя не означает отсутствие в его прозе художественных обобщений высокого эмоционального накала. Телеграфичность следует трактовать как технический, «объективированный» структурно-композиционный принцип текста, код, несущий скрытую в нем информацию об идейной и оценочной позиции автора по отношению к реалиям модернистской послевоенной действительности.

Прием потока сознания, ставший главным инструментом изображения жизни через работу сознания героя в романах Дж. Джойса, В. Вулф и других мэтров модернизма, Хемингуэй использовал редко. Рассказ «Снега Килиманджаро» – одно из его произведений, в которых поток сознания играет важную роль для погружения в психологию личности героя – писателя Гарри Смита, одного из воплощений образа «сильного американца».

Текстовые воплощения и функции потока сознания исследовались в литературоведении и лингвистике текста потока [3; 6; 7 и др.]. Прием потока сознания подразумевает описание течения мыслей героя, его чувств, эмоций и впечатлений. Сознание человека рассматривается как регистратор постоянно меняющейся реальности, в которой восприятие окружающих предметов, людей и событий вызывает субъективные, часто алогичные, мысли, ассоциации и эмоции, несущиеся непрерывным потоком.

Мы рассматриваем этот феномен как специфическую композиционно-повествовательную форму реализации внутренней речи. Эта форма выводит повествование из объективно-событийного, фабульного пространства и подключает читателя к субъективно-психологическому внутреннему пространству мира персонажа.

Следует различать поток сознания и внутренний монолог. Сходство между внутренним монологом и потоком сознания в том, что обе эти формы изображают внутреннюю речь персонажа, и оба задерживают или останавливают развитие сюжета, давая психологический план восприятия мира истории. Различия между этими повествовательными формами заключается в том, насколько в них представлено бессознательное. Внутренний монолог изображает мысли человека, мозг которого находится в активном состоянии – это «внутренний анализ» происходящего в реальности. Поток сознания – это «сенсорные впечатления» сознания в измененном состоянии, например, в состоянии алкогольной или наркотической интоксикации, бреда, сна и т.п. [3, с. 234].

В синтаксическом плане обе формы отличаются или нечеткой расчлененностью частей или, наоборот, эллиптичностью, односоставностью предложений, фрагментарностью. Элементы «потока сознания», как правило, более развёрнуты, могут представлять собой длинные предложения, занимающие сразу несколько строк или даже страниц. Они могут быть как сложносочиненными, так и сложноподчиненными, причем во втором случае значительно затрудняется восприятие читателем текста из-за нагромождения придаточных предложений. При этом во внутреннем монологе больше «следов» вербализованной речи – логической связи между реальностью и ассоциациями, признаков анализа происходящего. В

потоке сознания все черты «испарения речи в мысль» (Выготский) доводятся до предела [12].

Прием «потока сознания» оказывает значительное влияние на композицию текста, выделяясь на фоне повествования и диалогической речи.

Под композицией понимается единство двух взаимозависимых аспектов текста: архитектоники (структуры текста) и семантической составляющей. Композиция играет ключевую роль в формировании «гештальта» текста – т.е. концепта, который формируется в сознании читателя благодаря связям между частями текста [15, с. 14]. Она соединяет в себе действие двух категорий текста – цельности и членимости, которые определяют организацию семантического, коммуникативного и структурного аспектов текста как единого целого. Композиция текста зависит от индивидуального стиля автора и его художественного замысла относительно конкретного произведения, жанра и содержания [9, с. 45]. Архитектоника и семантическая структура являются соответственно внутренней и внешней композицией. Внутренняя (содержательная) включает в себя систему образов, своеобразие сюжетной составляющей и характеристики конфликта. Внешняя (архитектоника) представляет собой членение текста на части (абзац, глава, строфа и т.д.). В архитектонике находит своё проявление такая категория текста как связность, которая делится на два типа – когезия и когерентность.

Когезия выражается языковыми средствами и представляет собой связь линейного типа, основывается на соотносительности грамматических форм, синтаксических связях между предложениями и их частями, наличии союзов и т.д. Когерентность объединяет элементы разных уровней (заголовков, эпиграф, непосредственно текст, «рассказ в рассказе») и создает нелинейную, своего рода «сквозную» связность. Основные синтаксические средства, создающие такой тип связи – различного рода повторы и параллельные конструкции.

Базовым элементом архитектоники текста является абзац, соответственно, анализ архитектоники подразумевает рассмотрение принципов и особенностей членения текста на абзацы. В рассказе «Снега Килиманджаро» преобладающими являются короткие абзацы, занимающие от 1 до 4 строк. Преимущественно это реплики героев или же короткие комментарии к ним от автора, описывающие действия героев, их состояние и эмоции: *He looked at her and saw her crying; "That's cowardly"*. Много в тексте абзацев-реплик, состоящих из 1-2 слов, что отражает принцип телеграфичности, присущий произведениям Хемингуэя: *"Nothing"; "Don't."; "Read what?"*.

Общее количество коротких абзацев в тексте рассказа – 210 из 233, что составляет 89,7 % текста.

Крупных абзацев намного меньше – их 23, и они составляют 10,3 % текста рассказа. Они отличаются не только длиной, но и сюжетно-композиционной функцией – в них происходит переключения к прошлому героя, ретроспекции в формах внутреннего монолога и потока сознания. Поэтому для таких крупных абзацев характерно обилие длинных сложных предложений с придаточными конструкциями, зачастую однородными. Данные конструкции присоединены к главному предложению – узлу – преимущественно сочинительной связью, благодаря чему восприятие текста не затруднено. Примером такого абзаца может быть один из финальных абзацев рассказа:

Более точные данные о структуре предложений мы можем получить с помощью нечасто используемой в гуманитарных исследованиях методики текстовых партитур, предложенной французским физиком и культурологом Абраамом Модем. Данный метод используется для анализа синтаксического ритма текста посредством оценки степени сложности структуры предложений и восприятия текста.

Для метода текстовых партитур А. Модем ввел понятия «секция предложения» и «ранг секции». Под секцией подразумеваются простые предложения, предложения с сочинительной связью, подчиненные предложения и различного рода обороты. Секции предложения соответствуют синтагмам – группам слов, которые объединены на основании смысловой, грамматической и фонетической сочетаемости. Ранг секции – степень её

зависимости от главного предложения. Соответственно, все главные предложения относятся к первому рангу [8].

Суть метода текстовых партитур заключается в нанесении секций предложения на линии «нотного стана». Секции первого ранга размещаются на нижней линейке, все остальные – в соответствии с рангами – выше. Чем больше в тексте секций с высоким рангом, значительно уходящих от главных предложений, тем предложение «глубже», т.е. сложнее для восприятия. Если глубина предложений не является значительной, как в рассказе “The Snows of Kilimajaro”, и придаточные предложения не уходят далеко «вверх» по нотному стану, то восприятие синтаксиса не представляет трудностей, поскольку отсутствует нагромождение синтаксических конструкций. Примеры выполнения этой процедуры анализа даются в статье, посвященной сопоставлению синтаксического ритма прозы Дж. Джойса и Э. Хемингуэя [5].

Синтаксический ритм предложений связан с регулярностью и повторяемостью ударных слогов в секциях (синтагмах). Если они длинные, то ритмика предложений беглая и плавная, а если преобладают короткие секции, то речь прерывистая и затруднена частыми паузами. Так, синтагмы, содержащие 1-3 слога, ощутимо затрудняют чтение, делая его дробленным, если в самом тексте они располагаются близко друг от друга. Синтагмы в 5-7 слогов упрощают восприятие текста, поскольку сознание не «цепляется» за частые паузы, текст читается легко.

Важную смысловую нагрузку в общей архитектонике рассказа имеет эпиграф – внесюжетный элемент текста, находящийся в сильной позиции:

“Kilimanjaro is a snow-covered mountain 19,710 feet high, and is said to be the highest mountain in Africa. Its western summit is called the Masai ‘Ngaje Ngai,’ the House of God. Close to the western summit there is the dried and frozen carcass of a leopard. No one has explained what the leopard was seeking at that altitude” [14].

В этом фактологическом описании выдвигание получает замерзший труп леопарда, попавший на вершину при неизвестных обстоятельствах. Тело леопарда связано с племенными обрядами. Древние охотники мыслили переход в мир иной через тотемное животное или перевоплощение в него. Существовал обряд погребения – заворачивать тело умершего в шкуру тотемного животного. Считалось, что тело забирала огромная птица, которая относила его к горе – Олимпу [11]. В контексте рассказа образ мертвого леопарда становится одним из символов смерти, ожидающей героя. Название западного пика горы (*the House of God*) дает когнитивную настройку на антиципацию финала истории, в котором герой, умирая, бредит, словно он летит к вершине «горы Бога», воплощающей вечность и недостигнутую им вершину творчества.

Архитектоника рассказа обозначена графически, помимо собственно абзацного членения, разделением текста на две части знаком (***). Первая часть завершается предложением *“I don’t like to leave anything,” the man said. “I don’t like to leave things behind”*. Вторая часть начинается предложением *“It was evening now and he had been asleep”*. Таким образом, части повествования отграничены сменой времени суток, сменой дня и ночи. Меняется и внутреннее состояние героя. Если в первой части рассказа, днем, он пытается отстраниться от страха смерти, грубя жене, то к вечеру он примиряется с неизбежностью и просит у нее прощения перед уходом в вечность.

Вторым аспектом композиции является содержательная структура текста. Если для архитектоники базовая единица – абзац, то для семантической составляющей это точка зрения. Точка зрения подразумевает представление сцены произведения или определенного эпизода с позиции персонажа или же рассказчика [15, с.14].

В рассказе “Снега Килиманджаро” повествование ведется с точки зрения третьеличного рассказчика, наблюдающего за происходящим, представляющим сцены-диалоги в свете остранения. Он передает разговоры, действия героев, окружающую их природу Африки: *“She was looking at him holding the glass and biting her lip”*. Точки зрения героев, выражающиеся только в репликах диалогов, передаются в режиме драматизации

бесстрастным повествователем-наблюдателем, который не пытается войти в их эмоции и мысли: “...It’s much easier if I talk. But I don’t want to bother you.”; “I love it. I’ve loved Africa. Really...” [14].

Тем не менее, в отдельных эпизодах третьеличный повествователь персонифицируется, принимая точку зрения главного героя. Это происходит в ретроспективных эпизодах, в которых Гарри Смит вспоминает своё прошлое, полное событий, стран и женщин; в этих субъективированных фрагментах воспроизводится сожаление Гарри о нереализованности в творчестве и горечь о потере любви. Такие переходы от внешней к внутренней точке зрения маркированы несобственно-прямой речью, в которой отсутствует синтаксическое обозначение перехода от рассказчика к герою:

He remembered the good times with them all, and the quarrels. They always picked the finest places to have the quarrels. And why had they always quarreled when he was feeling best? [14].

Периодически повествование ведется от второго лица, в котором личность героя раздваивается, он обращается сам к себе (и к читателю) на «ты». Например:

You kept from thinking and it was all marvellous. You were equipped with good insides so that you did not go to pieces that way, the way most of them had, and you made an attitude that you cared nothing for the work you used to do, now that you could no longer do it [14].

Повествование такого типа особенно способствует вовлечению читателя в мир героя, в диалог с его мыслями и с самим собой. Это пример внутреннего монолога, в котором мысли героя рациональны, где он беспощадно самокритичен.

Но максимальное погружение в сознание или даже в подсознание героя происходит в финальном эпизоде рассказа, который написан в технике потока сознания:

“The boys had picked up the cot and carried it around the green tents and down along the rock and out onto the plain and along past the smudges that were burning brightly now, the grass all consumed, and the wind fanning the fire, to the little plane. <...> He waved to Helen and to the boys and, as the clatter moved into the old familiar roar, they swung around with Compie watching for warthog holes and roared, bumping, along the stretch between the fires and with the last bump rose and he saw them all standing below, waving, and the camp beside the hill, flattening now, and the plain spreading, clumps of trees, and the bush flattening, while the game trails ran now smoothly to the dry waterholes, and there was a new water that he had never known of. <...>

And then instead of going on to Arusha they turned left, he evidently figured that they had the gas, and looking down he saw a pink sifting cloud, moving over the ground, and in the air, like the first snow in at ii blizzard, that comes from nowhere, and he knew the locusts were coming, up from the South. Then they began to climb and they were going to the East it seemed, and then it darkened and they were in a storm, the rain so thick it seemed like flying through a waterfall, and then they were out and Compie turned his head and grinned and pointed and there, ahead, all he could see, as wide as all the world, great, high, and unbelievably white in the sun, was the square top of Kilimanjaro. And then he knew that there was where he was going” [14].

Эти два абзаца выделяются на общем синтаксическом фоне текста своим объемом и длинными предложениями, связанными, преимущественно, сочинительной связью. Перечисления множества объектов, пролетающих в угасающем сознании героя, следуют друг за другом через запятую, связываются полисиндетоном и формируют текущий, словно поток, синтаксический ритм. Синтагмы в этом фрагменте имеют среднюю длину 5-7 слогов, оптимальную для паузации и восприятия, и располагаются по преимуществу в нижнем регистре партитуры, то есть, представляют собой идущие друг за другом главные узлы предложения, не осложненные уходящими от них придаточными конструкциями. Градация в последнем предложении усиливает эффект постепенного «набора высоты» и замедления полета сознания умирающего Гарри, достигающего, наконец, вершины «горы Бога». В конце истории читатель понимает, что это предсмертные впечатления Гарри, который проносился в его сознании в бреду. Их поток, вернее, полет, странным образом, одновременно реалистичен и художественно импрессионистичен, он увлекает за собой читательское

воображение, вместе с героем фиксирующее каждый миг, «цепляющееся» за каждую деталь удаляющегося земного мира.

Анализ композиционной и синтаксической структуры рассказа «Снега Килиманджаро», выполненный с позиций стилистики декодирования и поэтики, показывает, что выдвижение формальных элементов текста является сильным механизмом их актуализации, то есть пробуждения рефлексии, интерпретации смыслов текста читателем. Такое влияние структуры на смысловую составляющую обусловлено тем, что синтаксис является одним из основных аспектов текста, актуализирующих его целенаправленность и прагматическую установку, что в свою очередь отражает принципы функционирования художественной речи, позволяя реципиенту художественного текста наиболее точно интерпретировать авторский замысел [1, 2]. Уникальная структура рассказа, построенная на чередованиях коротких и длинных абзацев, несущих переходы от внешней точки зрения к внутренней, от момента «здесь-и-сейчас» истории к планам прошлого, саморефлексии и потока сознания, способствует постепенному «подключению» сознания читателя к мыслям и состояниям героя. Эти переходы создают то затрудненный, дробный ритм повествования, то ускоряющийся, плавный ритм мыслей героя, который генерирует процесс трансформации его личности – от напускного мачизма к принятию своих слабостей перед лицом вечности.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Издательство, 1971. 240 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
3. Засурский Я.Н. Американская литература XX века. М.: Изд-во Московского университета, 1966.
4. Засурский Я.Н. Хемингуэй и журналистика // Хемингуэй Э. Репортажи. М.: Сов. Писатель, 1969.
5. Комуцци Л.В. Анализ синтаксического ритма художественного текста методом текстовой партитуры [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 05 (85). С. 229-235. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/analizsintaksicheskogo-ritma-khudozhestvennogo-teksta-metodom-tekstovoj-partitury.html> (дата обращения 29.05.23).
6. Кораблева С.А. Текст «потока сознания» в художественной культуре модернизма (на мат. романа Дж. Джойса «Улисс»): автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Кострома, 2003.
7. Матвеева Н.В. Нарративная структура англоязычного художественного дискурса (на мат. романов «Потока сознания» начала XX века): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2003.
8. Моль А. По всем правилам искусства. // А. Моль, В. Фукс, М. Касслер. М. Искусство и ЭВМ. Перевод с франц. К.О. Эрастова. М.: Изд-во «Мир», 1975. 525 с.
9. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
10. Оруджева И.Г. Новаторский стиль Эрнеста Хемингуэя [Электронный ресурс] // Журнал «Научный аспект». № 2, 2014. URL: <http://www.nau-band.ru/analiz-proizvedenii/orudzheva-novatorskiy-stil-ernesta-khemingueya.html> (дата обращения 29.05.2023).
11. Петрушкин А.И., Агранович С.З. «Неизвестный Хемингуэй. Фольклорно-мифологическая и культурная основа творчества». Самара: «Самарский дом печати», 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nau-band.ru/analiz-proizvedenii/analiz-rasskaza-snega-kilimanjaro-ernest-hemingway.html> (дата обращения 29.05.2023).
12. Татару Л.В. Синтаксис нарратива потока сознания и его преобразования при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2, 2008. С. 123-129. URL: <http://www.nau-band.ru/analiz-proizvedenii/tataru->

sintaksis-narrativa-potoka-soznaniya-i-ego-preobrazovaniya-pri-perevode-na-primere-khemingueya.html (дата обращения: 01.06.2023).

13. Hemingway E. Death in The Afternoon. Режим доступа: URL: <https://e-pdf.net/download/4739557-death-in-the-afternoon-by-ernest-hemingway> (дата обращения 1.06.2023)

14. Hemingway E. The Snows of Kilimanjaro. Режим доступа: URL: <https://xroads.virginia.edu/~DRBR/heming.html> (дата обращения 01.06.2023)

15. Linguo-Stylistic Analysis of the Literary Text: the Reader's Perspective = Лингвостилистический анализ художественного текста в перспективе читательского восприятия [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие для бакалавров направления подготовки «Лингвистика» / Л.В. Комуцци, Н.С. Руденко. – Электрон. текст. дан. (1,4 Мб). – Киров: Изд-во МЦИТО, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

УДК [811.111:811.112.2:811.161.1]'373.23'373.7

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С
КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ**

*Ожегова Т.Ю.
Михайлова Е.В*

**NATIONAL-CULTURAL AND LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH,
RUSSIAN AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ANTHROPONYMIC
COMPONENT**

*Tatyana Y. Ozhegova
Evgenia V. Mikhailova*

АННОТАЦИЯ. Антропонимическая фразеология как часть лингвокультурологии привлекает значительное внимание исследователей, что объясняется растущей ролью антропоцентрического подхода в лингвистике. В данной статье предлагается анализ английских, русских и немецких фразеологизмов с компонентом-антропонимом и их лингвокультурных и лексико-семантических характеристик. Фразеологизмы с компонентом-антропонимом нуждаются в изучении для углубления понимания национальных особенностей и правильной интерпретации культурного кода других народов. В ходе исследования, проведенного методом сопоставительного анализа с привлечением метода сплошной выборки, было выявлено, что в немецкой, русской и англоязычной культурах антропонимы в составе фразеологизмов ассоциируются с личными качествами человека (хитрость, глупость) и его положением в обществе (образованность, невежество). Другим результатом является объяснение мотивированности фразеологизмов в трёх языках, связанной с библейскими сюжетами и античной мифологией, историческими личностями и литературой.

Ключевые слова: английские, русские, немецкие фразеологизмы с антропонимами, национально-культурная специфика.

ABSTRACT. Anthroponimic phraseology as a sub-discipline of cultural studies has attracted a considerable scholastic interest due to the growing impact of the anthropocentric paradigm in linguistics. This article suggests a study of English, Russian and German phraseological units containing an anthroponimic component and their specific linguo-cultural and lexico-semantic traits. Such phraseological units need further investigation for deeper understanding of the national roots and the cultural code of a language. This research conducted by the methods of comparative analysis and continuous sampling has revealed associations of anthroponimic

components within phraseological units with certain qualities of human character (trickery, foolishness) and a person's social status (education, ignorance) in German, Russian and English-speaking cultures. We have also explained how such phraseological units are motivated by biblical stories, antique mythology, figures of history and literary characters.

Keywords: English, Russian, German phraseological units with anthroponyms, national-cultural specificity.

Переход от «внутренней» лингвистики к «внешней» способствовала более глубокому изучению социальных, исторических и географических факторов, которые неразрывно связаны с языком. Язык – это не только средство связи между людьми, но и средство познания особенностей культуры разных народов. Язык является хранилищем данной информации, и в его развитии запечатлено развитие всего человечества. Постоянное обогащение словарных составов различных языков означает и развитие их фразеологических фондов.

Несмотря на то, что фразеологизмы с компонентом-антропонимом активно изучаются последние десятилетия, степень их изученности до сих пор недостаточно высока. Исследования в этой сфере позволяют углубиться в культуру народа, понять его историю и опыт, поскольку в именах собственных заложен определённый культурный код, который необходимо правильно интерпретировать для успешной межкультурной коммуникации.

Цель данной статьи заключается в выявлении лингвокультурных особенностей английских, русских и немецких фразеологизмов, содержащих антропонимы, и в их классификации. Предметом исследования являются лингвокультурологические и семантические особенности фразеологизмов с компонентом-антропонимом и их этимология.

Материал настоящего исследования составляют фразеологизмы с компонентом-антропонимом, полученные методом сплошной выборки из Англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина [6], Фразеологического словаря современного русского языка Ю. А. Ларионовой [8], Немецко-русского фразеологического словаря Л.Э. Бинович [1].

Существует множество трактовок понятия «фразеологизм», из которых для задач данного исследования оптимально определение А.В. Кунина: фразеологизмы – это «устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных словосочетаний» [7, с. 13]. Фразеологизмы выполняют коммуникативную, номинативную, прагматическую и другие функции. [7, с. 212]. К основным признакам фразеологизма относятся устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность и единое целостное значение.

По мнению Анны Вежбицкой, антропоним – это «единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной» [3, с. 36]. Таким образом, к антропонимам могут относиться личные имена, фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы и так далее. На наш взгляд, антропонимы, входящие в состав фразеологизма, являются ценным объектом исследования, поскольку это «уникальный культурный знак, обладающий ярко выраженной аккумулятивной и репрезентативной функцией» [2, с. 57]. Антропонимы хранят в себе определённую культурную информацию, накопленную в течение многих лет, и передаваемую другим поколениям. Входя в состав фразеологизмов, они помогают выявить национально-культурную специфику языка.

Для фразеологизмов характерны разнообразные семантические процессы: антонимия, синонимия, полисемия и т.д. Антропоним в составе фразеологизма также подвержен этим изменениям, и благодаря этому фразеологизмы можно рассматривать с точки зрения гендерной принадлежности, мотивированности или этимологии.

Кроме того, на протяжении определённого времени и у каждого народа складываются свои стереотипы или ассоциации, связанные с тем или иным именем. Эти ассоциации хранят

и накапливают важные фоновые знания народа, определяют семантику, а затем приобретают ярко выраженную экспрессивно-эмоциональную окраску.

Фразеологизмы с компонентом-антропонимом могут описывать черты человека, зачастую негативные. Например, для русской культуры одним из самых популярных имён является имя *Иван*, однако данное имя ассоциируется с недалёким человеком, о чём свидетельствует большое количество фразеологизмов с данным антропонимом: *Был Иван, а стал болван, а виновато в этом вино; Иван, не знающий своей родни; Чему Ваня не научился, того Иван не выучит*. Имя Макар ассоциируется с человеком неуклюжим: *На бедного Макара все шишки валятся; Где Макар побывал – семь лет рыба не ловится*.

В английской культуре распространены антропонимы с именем *Jack*, которое ассоциируется с хитрым и проворным человеком, и с именем *Mary*, которой зовётся простая девушка [10]. Например, *Jack of both sides* – «служить и нашим, и вашим»; *before you can say Jack Robinson* – «в мгновение ока»; *Mary Jane* – «девушка-простушка».

В немецкой культуре антропоним *Hans* чаще всего описывают человека глупого, трусливого, что имеет сходство с русским антропонимом *Иван (Иванушка-дурачок)*: *Hans Dumm* – «дурачок», *ich will Hans heissen* – «назовите меня дураком, если это не так». В то время как антропоним *Max*, наоборот, ассоциируется с сильным и бесстрашным человеком: *strammer Max* – «силач, богатырь».

Этимологический анализ фразеологизмов позволяет выявить мотивированность антропонимов в их составе. В нашей выборке фразеологизмов выделяются следующие тематические группы: 1) фразеологические единства (далее – ФЕ), связанные с библейскими сюжетами (библеизмы) и античной мифологией (мифонимы); 2) ФЕ, связанные с именами реальных людей; 3) ФЕ, связанные с литературой, массовой культурой, публичными выступлениями.

Фразеологизмы, связанные с библейскими сюжетами и античной мифологией, в группе ФЕ с мотивированным компонентом-антропонимом являются наиболее частотными во фразеологическом фонде русского, английского и немецкого языков. Это связано с тем, что много веков назад люди познавали мир, наделяя объекты или явления человеческими качествами. По мнению Э. Кассирера, «миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык – благодаря мифу» [5, с. 33]. ФЕ, связанные с этой группой, обладают высокой степенью семантической целостности, поскольку не имеют аналогов, мотивирующих их значение, на современном этапе развития языка.

При анализе данной группы было выявлено, что большинство мифонимов имеют негативную коннотацию. Это объясняется тем, что слова и выражения, вызывающие негативные эмоции, привлекают большее внимание человека, в связи с этим фразеологизмы с негативной коннотацией прочнее укореняются в языке. Фразеологизм *англ. a Judas kiss* отсылает к библейскому сюжету о предательстве Иисуса Иудой, поэтому употребляется в значении «предательство». ФЕ *Cassandra warnings* означает «предостережения, которыми пренебрегают, но которые сбываются». Кассандра – девушка из древнегреческой мифологии, которую влюблённый в неё Аполлон наделил способностью видеть будущее, и он же сделал так, чтобы никто не верил её словам. В русском языке примерами фразеологизмов, мотивированных библейскими сюжетами, можно считать следующие: *Ахиллесова пята* – «уязвимое место»; *Сизифов труд* – «бесполезная работа». В немецком языке примерами выступают такие фразеологизмы, как *der alte Adam regt sich* – «пробуждение старых слабостей/искушение» и *der alte Ada* – «грешный человек». Следует отметить, что для немцев антропоним *Адам* ассоциируется с человеком, который согрешил, совершил первый грех, ведь именно Адам считается первым грешником на Земле.

Не менее важную роль в формировании фразеологического фонда английского, русского и немецкого языков сыграли реально существовавшие люди. ФЕ *Hobson's choice* означает «вынужденный выбор, отсутствие выбора». Данное выражение связано с Томасом Хобсоном, который держал конюшню в Англии. Всем желающим покататься он предлагал выбрать коня, который находился около двери стойла. Имя Джеймса Крайтона, учёного,

который, казалось, умел абсолютно всё, вошло в состав фразеологизма *the admirable Crichton* – «образованный человек». Выражение *according to Hoyle* – «по всем правилам» связано с именем британского писателя Эдмонда Хойла, который систематизировал правила для различных игр.

В русской культуре к данной группе относится ФЕ *Столыпинский галстук* в значении «виселица». Этот фразеологизм связан с деятельностью Петра Столыпина, которому приписывают организацию массовых казней бунтовщиков во время Первой русской революции (1905–1907 гг.). Фразеологизм *Мамаево побоище* – «полный разгром» – рассказывает о событиях Куликовской битвы – сражение между татарским ханом Мамаем и князем Дмитрием Донским, в котором князь одержал победу. ФЕ *Потёмкинские деревни* означает «иллюзия хорошей жизни». Оно связано с мифом вокруг возведения фальшивых деревень по приказу князя Потёмкина перед приездом Екатерины II в Крым [4].

В немецкой культуре также есть фразеологизмы с компонентом-антропонимом, связанные с историческими личностями. Король Пруссии Фридрих I не просто подписывался, но полностью писал своё имя, отсюда возник фразеологизм *seinen Friedrich Wilhelm unter etw. setzen* – «подписывать какой-либо документ». Фраза *den dummen August spielen* – разг. «валять дурака» связана с прозвищем артиста цирка в Берлине Томом Беллингом.

Следующая группа ФЕ с компонентом-антропонимом включает в себя выражения, связанные с литературой, кинофильмами, публичными выступлениями. Ещё более значительную роль в распространении таких фразеологизмов играет художественная литература.

Русская литература ввела в языковой национальный фонд ряд выражений, связанных с героями произведений. Например: 1) *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?* – «чрезмерная увлечённость» (Н.В. Гоголь «Ревизор»); 2) *Аннушка уже разлила масло* – в значении того, что «нельзя избежать чего-то негативного» (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»); 3) *Тришкин кафтан* – «создать себе дополнительные проблемы» (басня И.А. Крылова).

В английском языке существует тоже немало фразеологизмов, возникших из литературы: 1) *Mr. Jekyll and Mr. Hyde* – «человек, в котором одерживает верх то доброе начало, то злое» (Р. Стивенсон «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» [9, с. 206]; 2) *Cordelia's gift* – редк. «тихий, нежный женский голос» (У. Шекспир «Король Лир»); 3) *Colonel Blimp* – «человек старых взглядов». Блимп – британский мультипликационный персонаж карикатуриста Дэвида Лоу.

В результате знакомства немецкого народа с культурами других народов в немецком языке появились ФЕ, связанные с произведениями многих известных авторов, таких как Мольер, Сервантес и другие. Например: *Georges Dandin, du hast es so haben wollen* – т.е. «ты сам в этом виноват». Фразеологизм связан с пьесой Мольера «Жорж Данден», в которой молодой человек женился на богатой, но распутной женщине.

В ходе анализа были выявлены и фразеологизмы с немотивированными антропонимами. Для русского языка характерны такие ФЕ, как: 1) *мели Емеля – твоя неделя* – «лентяй, бездельник»; 2) *богат Мирошка, а животов – собака да кошка* – «бедный человек»; 3) *плешивый Тарас, моли Бога о нас!* – «оказать услугу».

В английском языке к этой группе относятся следующие ФЕ: 1) *let George do it* – «пусть это сделает кто-нибудь другой»; 2) *astonish the Browns* – «бросить вызов общественному мнению»; 3) *not for Joe* – «ни за какие коврижки». 4) *Bob's your uncle* – данное выражение принято использовать в конце высказывания в значении «вопрос решён». Очевидно, в английском языке данные ФЕ описывают среднестатистического человека, и самыми, по всей видимости, распространенными именами среди такого класса населения являются такие, как Джордж, Джо, Боб, и фамилия Браун.

В немецком языке также есть фразеологизмы с немотивированным антропонимом, в частности, такие ФЕ имеют значение бытовых приборов: 1) *große Pauline* – «большой

кофейник»; 2) *langer Heinrich* – «отмычка». 3) *die flotte Lotte* – «мясорубка, соковыжималка».

В ходе исследования было обнаружено, что для английского, русского и немецкого языков характерны некоторые имена, которые ассоциируются с личными качествами человека (глупость, хитрость, простота) и его положением в обществе (ученость, образованность, богатство, бедность).

При изучении семантических особенностей фразеологизмов, мы выяснили, что мотивированные антропонимы быстрее закрепляются в языке. Чаще всего, они мотивированы библейскими и мифологическими сюжетами, историческими личностями, литературными персонажами и др. Однако, со временем мотивированность антропонима может исчезать, и только при помощи глубокого этимологического анализа её удастся восстановить. Результаты исследования определяют перспективы дальнейшего изучения данной проблемы, предполагающие возможность выявления системы ценностей других лингвокультурных сообществ в зеркале их фразеологии.

Список литературы

1. *Бинович Л.Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
2. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 312 с.
3. *Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари. 1996. 128 с.
4. *Джонич В.* Историко-этимологический и лингвокультурный анализ русских фразеологизмов [электронный ресурс] // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 2. №3, 2016. URL: <file:///C:/Users/%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%8F/Downloads/istoriko-etimologicheskij-i-lingvokulturnyy-analiz-russkih-frazeologizmov.pdf> (дата обращения 27.03.2023)
5. *Кассирер Э.* Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
6. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. Лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
7. *Кунин А.В.* Английская фразеология (теоретический курс). М.: Высш. шк., 1970. 344 с.
8. *Ларионова Ю.А.* Фразеологический словарь современного русского языка. М: Аделант, 2014. 511 с.
9. *Томахин Г.Д.* Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1988. 239 с.
10. *Хомутникова Е.А., Леготина Ю.В.* Фразеологизмы с компонентом-именем собственным в английском языке: культурно специфичный и семантико грамматический аспект [электронный ресурс] // Курганский государственный университет. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-s-komponentom-imenem-sobstvennym-v-angliyskom-yazyke-kulturno-spetsifichnyy-i-semantiko-grammaticheskiy-aspekty/viewer> (дата обращения 27.04.2023).

УДК 811.51

АРАБСКИЕ СЛОВА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рахмангулова А.М.

Научный руководитель: Латыпова Ю.А.

ARABIC WORDS IN THE BASHKIR LANGUAGE

Azaliya M. Rakhmangulova

Scientific advisor: Yuliya A. Latypova

АННОТАЦИЯ. Взаимодействие различных языков происходит, чаще всего, в области лексики, в результате чего обогащается словарный состав того или иного языка. Арабизмы занимают значительную часть лексики башкирского языка. Влияние арабского языка на башкирский связано с исламизацией башкирского народа. В статье рассматриваются различные подгруппы слов, заимствованных башкирским языком из арабского. В современной лингвистике вопросы заимствования в башкирском языке не получили удовлетворительного решения. Исследования данной проблемы решают проблемы лексикологии, составления этимологических и толковых словарей.

Ключевые слова: культура, башкирский язык, арабизмы, заимствования.

ABSTRACT. Interaction of different languages takes place most often in the field of vocabulary, as a result of which the vocabulary of a particular language is enriched. Arabisms make a significant part of the vocabulary of the Bashkir language. The influence of the Arabic language on Bashkir is associated with the Islamization of the Bashkir people. The article discusses various subgroups of arabic loanwords within the Bashkir language. In modern linguistics, the issues of borrowings in the Bashkir language have not received a satisfactory solution. The study of this issue can solve the problems of lexicology, compilation of etymological and explanatory dictionaries.

Keywords: culture, Bashkir language, Arabisms, borrowings

На протяжении многих веков народы контактируют друг с другом, в результате чего происходят процессы взаимовлияния их языков, особенно на уровне лексического состава. Подобный обмен называется заимствованием, и он приводит к обогащению контактирующих языков, расширению лексического запаса. Изучение лексики языка раскрывает информацию о расселении народа, их образе жизни, культуре, об общественном порядке. Одной из причин заимствований считается отсутствие соответствующего понятия в собственном языке.

На протяжении многих столетий башкиры взаимодействовали с другими народами и, соответственно, с их языками. Особенно интенсивными были связи с народами тюркского происхождения и приверженцами религии ислам, а также с выходцами из золотоордынского ханства, чему способствовали территориальная близость, экономическое взаимоотношение, и культурные связи. В результате в современном башкирском языке есть множество слов заимствованных из арабского, турецкого, венгерского и других языков [1]. Арабские слова вошли во многие языки, особенно в тюркские языки, поскольку они находились под влиянием исламской религии.

В X веке земли Башкортостана посетил арабский путешественник Ахмад ибн Фадлан, и с его визитом началась постепенная исламизация башкирского народа. В его записях названы небольшие башкирские города, в которых были мечети, и их именованья совпадают с башкирскими, к примеру, *Баиджирт* [2, с. 67–68]. Пророк Мухаммад (с.а.в.) раньше ибн Фадлана отправил группу сподвижников в сторону Поволжья для распространения ислама, о чем говорят исследования многих историков-теологов. С процессом принятия Ислама башкирским народом началось взаимодействие восточных (мусульманских) культур с культурой башкирского народа. Подобное взаимодействие не могло не повлиять на язык: появились арабские термины, слова бытовой сферы, имена, термины образовательной

деятельности и др.

Процессы слияния двух культур и заимствования слов из арабского языка привлекают внимание многих филологов и историков. Специальное и всестороннее изучение арабских заимствований в башкирском языке началось сравнительно недавно, с конца 60-х годов XX века [1]. В исследованиях, посвященных лексике башкирского языка, выделяется отдельный пласт заимствований арабского происхождения. Перед исследователями, наряду с выделением в лексическом составе современного башкирского языка арабских элементов, определением их объема, семантического и фонетико-грамматического освоения, стоят и такие задачи, как определение степени функционирования арабских заимствований.

Сфера употребления заимствованных слов в арабском языке многогранна, и большая часть заимствованных слов из арабского языка – существительные различных разрядов (примерно 70% из всех заимствованных слов). По значениям их можно разделить на разные подгруппы:

1. Слова с конкретным значением: *Ғаилә, сәғәт, кәләм, рәсем, һүрәт, ғәскәр, иһша, кәбер, табут, хайуан, хат, хәмер, һандык*. Примеры: 1) *Ете тән уртаһы уҙғас, каланын һигез ғәиләһе ғәжәйеп хәлгә тарыны* [3]; 2) *Тәне ауыртыуға сыҙамаған хайуан арты аяҡ тарына баһып бер урында бейене лә кар боркотоп, ауыл яғына сапты* [4].

2. Слова, относящиеся к науке, образованию и культуре: *әлифба, әлифба, әзип, әзәбиәт, әсбап, ғалим, дәрес, имтихан, китап, матбуғат, мөғәллим, мәғариф, остаз, тәғлимәт, фән, хисап, хәрәф* и др. Примеры: 1) *Кем-кем, Зәлифә китаптар кәзерен белә* [5]; 2) *Әминә Фаниловна дәресен аңлатып бөттө лә, сәғәтенә кузғалды* [4]; 3) *Остазы ла аптырауҙа* [6].

3. Слова религиозной тематики: *алла, амин, дин, йәннәт, ислам, доға, көрһән, мулла, имам, хәҙрәт* и т.д. Примеры: 1) *Ундай ваҡытта һинә “алла бирһән” иҫкә төшөп торамы?* [7]; 2) *Дин һаҡсығы башҡорт батырҙары менән осрашырға теләмәне* [7]; 3) *Көрһән һүҙен йышыраҡ тәк рарларһын* [7].

4. Слова с абстрактным значением: *аҡыл, ғәзап, ғәзәт, бәхет, әзәп, вакиға, выждан, ғәйеп, ғорур, игтибар, иһһам, сәбәп, сабыр, сер, холок, хис* и т.д. Примеры: 1) *Кешегә алсаҡ, һезгә ипле, Ныязғолдо баҫ алкы, аҡыллы к атыны тип һанала* [7]; 2) *Шулай инде, кеше тигәнде әлдә яманлыҡты ла яҡшылыҡты ла, кайғыны һәм шатлыҡты ла онота торған ғәзәте бар* [8]; 3) *Әйе, киләсәк – унын өсөн, бәхет сығанағы* [9]; 4) *Иҫтибар менәнерәк к араа, ауыл торошо менән урман араһында һиндәйҙер ок шашлыҡ күзгә таһлана* [8].

5. Общественно-политические термины: *дәүләт, йәмғиәт, иктисад, сәйәсәт, ватан, милләт, хөкүмәт* и др. Примеры: 1) *Бынын өстәһенә хөкүмәт коммуналарҙарға бушлай аттар, машиналар бирәсәк* [9]; 2) *Ватан ул, Ватан кызым, тыуған ил, бына без торған урын* [10].

6. Военная и медицинская терминология: *Ғәскәр, хезмәт, хәрби, шифа, дауа, табиб*. Примеры: 1) *Күп тә үтмәне, Солхат иленә ике йөз кешеле Ғәскәр ебәрелде* [6]; 2) *Тап сәскә ваҡытында йыйып, карағат япрағы менән куша кайнаткан мәтрүшкә етмеш төрлө ауырыуҙан дауа* [11].

7. Слова, обозначающие промежуток времени, названия месяцев, планет: *ваҡыт, дәүер, ғасыр, йома, заман, рамазан, рәжәб, шигбан* и т.д. Примеры: 1) *Кыуандыҡ менән, ғәзиз ата-әсәһе менән берәй ваҡ ыт шунда осрашырҙар* [6]; 2) *Ул бит хәҙер рамаз анайы булыуын бөтә мосолмандарҙа ураза икәнен белмәй булмаҫ та, тине Шәүрә тук талып* [9]; 3) *Хикмәтулла борон заманда заманда заманда уҡ иҫ бат иткәйне бит* [3].

8. Имена собственные: *Абдулла, Абдрахман Абдулла, Абдрахман, Әхмәт, Мәхмүт, Ғәйшә, Кәрим, Мөхәмәт, Ғәзиз, Ғәзизә, Әминә, Ғата, Ниса, Зата, Ниса, Зата, Ниса, Зәһрә, Сәфәр, Сөнәкәт, Ямал, Мират, Ямал, Мираҫ, Вәкил, Талип, Зыя, Касим* и т.д. Примеры: 1) *Шаһит Хөҙәйбирзин, Зыя Ғимадиев менән Зыя айырылышҡас, колчаксыларҙы көндән-көн Себергә табан кырыҡ лайкыйрата алға барған полктарҙын береһендә комиссар булды* [11].

Хотелось бы уделить отдельное внимание башкирским именам собственным, заимствованным из арабского языка. Имя *Абдулла* (баш.яз.) в арабском звучит немного иначе: *Ғәбдуллаһ* – здесь мы видим слияние двух слов: *Ғәбд+Улаһ*. Первая часть имени,

Ғәбд, означает *раб*, а вторая часть означает принадлежность *Аллаху (-һа)*, то есть *Абдулла/Ғәбдуллаһ* означает «раб Аллаха». В имени *Абдуррахман/Ғәбдуррахман* первая часть *Абд/Ғәбд* – «раб», *ар-Рахман* означает «Милостивый», то есть *Раб Милостивого*. И все имена, начинающиеся с *Абд/Ғәбд*, означают принадлежность кому либо, но надо учитывать, что в исламе известно лишь 99 имен Всевышнего Аллаха, и такие имена непосредственно связаны с Его 99 именами [12].

Большую часть арабских заимствований в башкирском языке составляют отглагольные именные образования, т.е. масдары. Масдары, заимствованные в башкирском языке, зачастую употребляются самостоятельно, и по большей части как отдельные имена существительные, в меньшей степени как прилагательные, а также они служат основой для образования производных существительных, прилагательных и глаголов. Среди заимствованных арабизмов также имеются причастия действительного и страдательного залогов, имена прилагательные, имена места, имена орудия, имена деятеля, наречия и служебные слова.

Среди арабских заимствованных слов в башкирском языке также имеются причастия действительного и страдательного залога, прилагательные и имена предметов, мест, орудий, наречия и служебные слова.

Подводя итоги, можно сказать, что заимствованные арабские слова хорошо освоены и подчинены грамматикой и лексической системой башкирского языка. Различные суффиксы арабского происхождения в башкирском языке характерны для целых групп существительных, глаголов и прилагательных. Проведенное исследование показывает, что подавляющее большинство арабских заимствований – это существительные различных разрядов.

Список литературы:

1. *Дмитриев Н.К.* Арабские элементы в башкирском языке [Электронный ресурс] // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук Союза советских социалистических республик. Ленинград: АН СССР, 1925-1930. С. 119–135. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/zkv_5_1930_09_dmitriev.pdf (дата обращения: 09.05.2022).
2. *Ибн Фадлан А.* (X в.). Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и комментарий под ред. И. Ю. Крачковского; Акад. наук СССР, Ин-т истории и Ин-т востоковедения. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1939 (Ленинград).
3. *Гирфанов А.* Пятый зуб мудрости: Юмористические и сатирические рассказы. Уфа. Башкирское книжное издательство. 1976. 232 с.
4. *Байымов Р.С.* *Шоңкар*: тарихи – документаль роман / Р.С.Байымов. Өфө : Китап, 1997. 576 б.
5. *Бүләков Д.М.* Ғүмер бер генә: [роман] / Динис Бүләков. Өфө: Китап, 2011. 333 с.
6. *Хәкимов Х.Ә.* *Каруан*: роман, повесть, хикәйәләр / Ә. Хәким. Өфө: Китап, 2009. 479 б.
7. *Давлетишина Х.* Айбика: [Повесть]. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. 85 с.
8. *Мусин Н.* Ғорурлык: повесть һәм хикәйәләр. Өфө: Башк. кит. нәшр., 1962. 80 б.
9. *Бишиева З.* Әсәрҙәр: 5 томда. Өфө: Китап, 1995.
10. *Нигмәти Р.* Дауылдар тыузырған ғүмер: [шиғырҙар, поэмалар]. Өфө: Китап, 2009. 263 б.
11. *Бикбаев Р.* Заветное слово: [стихотворения]. Уфа: Скиф, 2008. 304 с.
12. *Кейекбаев Ж.Ғ.* Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1960. С. 105–114.

УДК 82.091

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОПУЛЯРНОГО РОМАНА У УМБЕРТО ЭКО

Чекалов К.А.

QUELQUES REMARQUES SUR LA PÉRIODISATION DU ROMAN POPULAIRE PAR UMBERTO ECO

Kirill A. Chekalov

A FEW REMARKS ON UMBERTO ECO'S PERIODIZATION OF THE POPULAR NOVEL

Kirill A. Chekalov

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается периодизация эволюции массового чтения, предложенная известным итальянским ученым и писателем Умберто Эко в его книге, которая в окончательной версии именовалась «Супермен для масс. Риторика и идеология народного романа» (1976, русский перевод Ю.Н. Галатенко – 2018). Книга объединила написанные в разные годы очерки, посвященные значительным явлениям в истории массовой литературы XIX–XX вв.: цикл романов Э. Сальгари о Черном Корсаре, «Парижские тайны» Эжена Сю, «Беати Паоли» Л. Натоли, романы Я. Флеминга о Дж. Бонде и пр. В своей периодизации Эко выделяет три этапа развития популярного романа (автор статьи предпочитает именно так переводить итальянский термин “romanzo popolare”): 1) романтико-героический (главнейшие представители – Дюма-отец и Эжен Сю), 2) буржуазный («Монтепены, Ришпены, Ришбуры» и итальянка Каролина Инверницио), 3) неогероический («Арсен Люпен» и «Фантомас»). Как показано в статье, данная периодизация имеет ряд существенных изъянов, в том числе непоследовательность подхода к выделению доминирующих фигур и замалчивание некоторых из этих фигур. В то же время ее ценность видится в том, что периодизация представляет собой редкую попытку описать смену поколений в истории массовой литературной продукции на основе прежде всего идеологических критериев.

Ключевые слова: массовое чтение, периодизация популярного романа, Умберто Эко, «Супермен для масс», идеология, роман-фельетон.

ABSTRACT. The article examines the periodization of the evolution of mass reading, proposed by the famous Italian scholar and writer Umberto Eco in his book, which in its final version was called “Superman for masses. Rhetoric and Ideology of the Populist Novel” (1976, Russian translation by Y.N. Galatenko – 2018). The book brought together the essays written in various years on significant phenomena in the history of mass literature of the XIX–XXth centuries: the cycle of novels by E. Salgari about the Black Corsair, Eugène Sue’s “The Mysteries of Paris”, L. Natoli’s “Beati Paoli”, Ian Fleming’s novels about James Bond, etc. In his periodization Eco distinguishes three stages in the development of the popular novel (the author of this article prefers exactly this translation of the Italian term “romanzo popolare”): 1) the romantic-heroic stage (Dumas the Father and Eugène Sue being its leading representatives), 2) the bourgeois stage (“the Montepins, the Richepins, the Richebourgs” and the Italian Caroline Invernizio), 3) the neo-heroic stage (“Arsène Lupin” and “Fantômas”). As the article suggests, this periodization has a number of significant flaws, including quite an inconsistent approach to identifying the dominant figures and an omission of some of them. At the same time, the value of this periodization is seen in the fact that it presents a rare attempt to describe the changing of generations in the history of mass literary production primarily on the basis of ideological criteria.

Key words: mass reading, periodization of the popular novel, Umberto Eco, “Superman for Masses”, ideology, feuilleton.

En 1976 Umberto Eco, à l'époque connu surtout par les chercheurs de la péninsule italienne, publiait à Rome son livre intitulé "Il superuomo di massa. Studi sul romanzo popolare". Initialement un *libretto* de 128 pages, ce recueil d'essais s'élargissait d'une édition à l'autre pour atteindre 238 pages dans la version posthume publiée en 2016 [2]. Chemin faisant, l'ouvrage a également changé de sous-titre (depuis 1998, "Retorica e ideologia nel romanzo popolare"). Remarquons que le matériel scientifique composant le recueil a été élaboré à partir des années 1960 et déjà partiellement utilisé dans un autre livre du sémioticien italien, "Apocalittici e integrati" (1964).

Bien que depuis 1976 on a vu paraître une quantité importante d'études sur le roman populaire, le livre pionnier d'Eco garde sa valeur en tant qu'une ingénieuse tentative d'analyser quelques phénomènes non négligeables de la culture de masse des XIX-XX siècles. Traduit en français en 1978 sous le titre "De superman au surhomme", ce livre reste un volume incontournable pour les chercheurs se spécialisant en paralittérature; c'est le cas de citer le mystérieux aphorisme de Gaston Leroux: "Le presbytère n'a rien perdu de son charme, ni le jardin de son éclat". Le public russe n'a eu droit à la version traduite qu'en 2018 [1]. Le lecteur trouvera dans ce volume une analyse perspicace des fameux personnages de l'imaginaire mythologique des XIX-XX siècles, tant italiens (le Corsaire Noir de Salgari) que français (Monte-Cristo, Rocambole, Arsène Lupin), anglais et américains (Tarzan, James Bond). En même temps Eco développe l'analyse du roman-feuilleton (porteur le plus important de la lecture populaire) dans le sillon théorique élaboré aux années 1930 par Antonio Gramsci: ainsi, entre autres choses, on a de fortes raisons de mettre le surhomme paralittéraire sur le même plan que l'*Übermensch* nietschéen.

Un des essais de Eco est consacré au roman-feuilleton de Luigi Natoli "I Beati Paoli", publié en 1909-1910 et littéralement réssuscité grâce à notre auteur. D'une façon assez inattendue Eco passe de l'analyse monographique de cette oeuvre (dont le sujet est centré sur l'activité d'une société secrète sicilienne au tournant des XVII-XVIII siècles) à une brève mais suggestive périodisation du roman populaire. C'est justement la parenthèse en question qui nous intéressera dans cet article.

Selon Eco, l'histoire du roman populaire peut être divisée en trois périodes [2]:

1) Première époque – romantico-héroïque. Elle démarre aux années 1830; c'est l'époque de l'apparition du roman-feuilleton, ainsi que de la formation du public petit-bourgeois (les artisans et les ouvriers le rejoignent également). Si Dumas-père et Eugène Sue sont mentionnés comme figures iconiques de cette période, Eco souligne que les "grands" comme Balzac sont également attirés par la vogue du roman-feuilleton (à partir de la "Vieille fille", Balzac a publié 16 œuvres en feuilleton).

2) Deuxième époque – bourgeoise (les dernières décennies du XIX siècle). Pour le chercheur italien, les personnalités emblématiques de cette période sont plus nombreuses que dans le cas précédent: à savoir, "les Montepin, les Richepin, les Richebourg" et – en tant que la cerise sur le gâteau – une Italienne, Carolina Invernizio, pratiquement méconnue en dehors de la péninsule. Pour caractériser cette période Eco accentue les paramètres sociologiques (comme il se doit aux années 1960-1970) tout en hésitant entre plusieurs modalités: "démocratique", "réactionnaire", "petit-bourgeois", "antisémite", "raciste". Cette panoplie est trop large pour donner une nette impression de la spécificité de la période en question.

3) La troisième époque – néo-héroïque – commence au début du XX siècle. Selon Eco, elle est marquée par l'apparition des personnages anti-sociaux, qui ne pensent plus à venger les gens opprimés et ne s'occupent que de leurs intérêts égoïstes. Détail intéressant: à la différence des deux périodes précédentes, ce ne sont plus les écrivains qui, selon Eco, ont acquis en moment une dimension emblématique mais leurs personnages – à savoir, Arsène Lupin et Fantômas.

On n'a pas besoin d'être un fin connaisseur de littérature populaire pour constater que cette périodisation est, disons-le en toutes lettres, imparfaite et contradictoire. Et non seulement pour cette simple raison que la boîte à outils du chercheur se trouve transformée d'une période à l'autre. Il est surprenant de constater qu'Eco, en revenant dans un passage qui suit, à l'analyse des "Beati Paoli", est prêt à balayer sa propre périodisation: en effet, continue notre auteur, si le roman de

Natoli a été écrit en 1909–1910, par ses particularités narratives il n'appartient pas pour autant à la troisième période mais à la première. Et cela ne s'arrête pas là. Eco qualifie "Beati Paoli" comme "une sorte de *Guépard* du roman populaire"; pourtant le fameux roman de Giuseppe Tommasi di Lampedusa a été écrit aux années 1950! Le lecteur reste perplexe: s'agit-il, dans le cas de Natoli, d'un *attardé et égaré* (terme de Gustave Lanson) ou bien, tout au contraire, d'un grand visionnaire?

Autre objet de confusion: Umberto Eco n'arrive pas à ranger dans sa périodisation un auteur fort important dans l'histoire de la littérature populaire, à savoir Pierre Alexis Ponson du Terrail. C'est d'autant plus extraordinaire que notre chercheur – *lector indefessus!* – connaît non seulement le saga de Rocambole mais également un roman historique peu connu de Ponson intitulé "Le Forgeron de la Cour-Dieu" (1868–1869), qu'il analyse d'une façon détaillée dans l'ouvrage en question. Ceci dit, il serait très difficile d'inscrire Ponson dans la périodisation d'Eco. Le créateur de Rocambole est comme assis entre deux chaises, il n'appartient pleinement ni à la première ni à la seconde époque; souvent "petit-bourgeois" et conservateur, il aspire à la récupération de la figure du justicier à la façon de Rodolphe de Gerolstein (d'où la fameuse ressurrection spirituelle – et narrative! – de Rocambole). Ceci dit, l'interprétation de l'œuvre Ponson effectuée par Gramsci nous paraît plutôt simpliste et de ce point de vue le silence d'Eco semble préférable.

Eco ne prend pas en considération le phénomène histoico-culturel que Jean-Claude Vareille appelle "la grande cassure de 1870–1871" [6, 22]. La guerre franco-prussienne et la Commune de Paris ont pourtant engendré une désillusion collective qui a affecté toutes les formes de la création artistique en France. L'approche sociologique est pourtant bien présente chez Eco; pourquoi donc il la laisse de côté dans ce cas concret?

Quant à la troisième période, sa durée est complètement passée sous silence. On a pourtant toutes les raisons de penser que cette période est achevée vers les années 1960, période, rappelons-le, de la cristallisation des idées d'Eco. Mais même à condition de maîtriser notre appétit et de rester dans la tranche chronologique définie par Arsène Lupin et Fantômas nous ne manquerons pas d'exemples contredisant les postulats d'Eco. Entre autres, mentionnons un héros justicier des années 1910 qui n'est pas guidé par l'intérêt égoïste: le mystérieux Judex d'Arthur Bernède (1917).

Enfin, Arsène Lupin a toujours été une espèce de bête noire pour Umberto Eco, qui l'accuse de nationalisme. Pourtant, il est vraiment extraordinaire de mettre Lupin et Fantômas sur un pied d'égalité. Tout le monde sait que le *gentleman cambrioleur* ne tue pas, à la différence de Fantômas qui, lui, est non seulement un assassin mais aussi un sadique, un génie du Mal. Tout le monde sait également que Lupin n'est pas étranger à la philanthropie.

Les observations d'Eco concernant "les Richepin, les Richebourg et les Montepin" nous semblent assez superficielles par rapport à sa brillante analyse des "Mystères de Paris". Les dits écrivains ont joui d'une grande popularité à la seconde moitié du XIX siècle; leur œuvre, visant à exploiter des différents registres du roman populaire, avec une prédominance indiscutable des structures mélodramatiques et sentimentales, reste principalement une *terra incognita* pour les chercheurs. On voit tout de suite qu'Eco s'amuse avant toute chose avec l'euphonie de leurs noms de famille. Les remarques de Gramsci à propos de la "démocratie sentimentale" [4] d'Emile Richebourg et Pierre Descourcelle nous semblent plus perspicaces, d'autant plus que Gramsci opère une nette distinction entre Richebourg et le "réactionnaire" Montepin.

Toutefois, ce n'est pas seulement "faute de mieux" qu'on rend hommage à cette périodisation. En effet, Eco a été le premier à tenter une division chronologique du roman populaire – à la différence de Gramsci qui, lui, a proposé une catégorisation plus détaillée (septuple!) du genre [3] mais sans aucune approche chronologique. Certes, la périodisation d'Eco néglige une modification aussi importante du roman populaire que "le roman scientifique d'aventure" (terme de Gramsci).

En outre, le brio inné et toujours présent de Umberto Eco (chercheur et artiste à sa manière), perfectionné au centuple après la parution du "Superuomo di massa", est certainement présent dans l'analyse en question. Les postulats théoriques d'Eco concernant le roman populaire en général nous semblent indiscutables. Et tout d'abord, l'affirmation que l'esthétique du roman populaire

conduit son origine des concepts romantiques (c'est peut-être Mario Praz qui l'a démontré mieux que les autres [5]).

Pour finir, notons que pour le lecteur russe la périodisation du roman populaire effectuée par Umberto Eco constitue une des rares possibilités d'avoir une idée sur l'évolution globale du genre, comme le livre en général lui permet d'explorer un univers sans rivages et mal connu du la littérature de masse non-anglophone. Et de ce point de vue l'ouvrage d'Eco, joliment traduit par Julie Galatenko, est doublement utile aux Russes.

Les références

1. *Эко, Умберто*. Супермен для масс. Риторика и идеология народного романа. Пер. Ю.Н. Галатенко. М.: Слово, 2018. 248 с.
2. *Eco, Umberto*. Il superuomo di massa. Retorica e ideologia del romanzo popolare. Milano: La nave di Teseo, 2016. URL: www.google.bg/books/edition/Il_superuomo_di_massa/bgQkDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Umberto+Eco+Retorica+e+ideologia+nel+romanzo+popolare&printsec=frontcover (Дата обращения: 02.06.2023).
3. *Gramsci, Antonio*. Diversi tipi di romanzo popolare. URL: quadernideldcarcere.wordpress.com/2015/05/08/diversi-tipi-di-romanzo-popolare/ (Дата обращения: 02.06.2023).
4. *Gramsci, Antonio*. Problèmes de civilisation et de culture. URL: www.marxists.org/francais/gramsci/intell/intell3.htm (Дата обращения: 02.06.2023).
5. *Praz, Mario*. La carne, la morte e il diavolo nella letteratura romantica. Milano: Rizzoli, 2008. 444 p.
6. *Vareille, Jean-Claude*. Le roman populaire français (1789–1914). Idéologies et pratiques. Limoges: Presses Universitaires de Limoges, 1994. 349 p.

УДК 81'255:[821.111-7:778.534.66]

КОМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ “SHREK” И “SHREK 2” И ИХ ПЕРЕВОД

Шилова В.В.

Научный руководитель: Круглова А.С.

COMIC ELEMENTS IN THE ANIMATED FILMS “SHREK” AND “SHREK 2” AND THEIR TRANSLATION

Victoria V. Shilova

Scientific advisor: Anastasia S. Kruglova

АННОТАЦИЯ. Аудиовизуальный перевод набирает всё большую популярность, однако многие аспекты его специфики еще требуют изучения. Цель данной работы – выявить возможные стратегии и методы передачи комических элементов в анимационных фильмах, которые могут внести определенный вклад в изучение аудиовизуального перевода. В статье рассматриваются комические элементы и их перевод на примере анимационных фильмов “Shrek” и “Shrek 2”. Материалом для исследования послужили тексты оригинала и дубляжа фильмов “Shrek” и “Shrek 2”. Для сравнения комических элементов на английском и русском языках были использованы описательный метод и метод сопоставительного анализа. В результате исследования было выявлено, что основными способами передачи комического в вышеупомянутых дублированных фильмах являются приемы компенсации, адаптации, опущения или буквального перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, дублирование, адаптация, юмор,

комические элементы, «Шрек».

ABSTRACT. Audiovisual translation has been gaining more and more popularity in the recent decades, however, many aspects of its specifics have not been fully studied yet. The purpose of this research is to identify possible strategies and methods of rendering comic elements in animated films, which may be seen as a contribution to the study of audiovisual translation. The article discusses humorous elements in the animated films “Shrek” and “Shrek 2” and their translation. The test case for the study is the original and dubbing of the films “Shrek” and “Shrek 2”. To compare comic elements in the English and Russian versions of “Shrek” the descriptive method and the method of comparative analysis were used. As a result of the study, it was revealed that the principal techniques of rendering the comic effect in the aforementioned dubbed films include compensation, adaptation, omission or literal translation.

Key words: audiovisual translation, dubbing, adaptation, humor, humorous elements, “Shrek”.

Перевод юмора представляет собой достаточно сложную задачу, особенно когда целевой аудиторией фильма являются не только взрослые, но и дети. Значительной популярностью пользуется широко распространившаяся иностранная кинопродукция, однако высокий процент русскоговорящей аудитории не владеет иностранным языком и потому не может смотреть фильмы и сериалы в оригинале, что, в свою очередь, объясняет необходимость и популярность аудиовизуального перевода.

Актуальность темы исследования связана с продолжающимся изучением данного вида перевода и выявлением связанных с ним трудностей и возможных способов их разрешения. Целью работы является комплексный переводческий анализ аудиовизуального перевода с выделением стратегий передачи комических элементов анимационных фильмов “Shrek” и “Shrek 2” от кинокомпании “Dreamworks”.

Материалом для работы послужили тексты дубляжа от студии «Пифагор» [11, 12] и оригинала мультфильмов “Shrek” и “Shrek 2” [13, 14]. Объект исследования – аудиовизуальный перевод вышеуказанных фильмов. Предметом исследования являются решения и стратегии, которые использовали переводчики для того, чтобы достичь эквивалентной передачи информации и синхронизации оригинальных и переведенных текстов. Методологическую основу исследования составляют работы Фёдоровой И.К. [9], Малёновой Е. Д. [6] и других исследователей аудиовизуального перевода [2, 3, 4, 5, 10].

Согласно некоторым исследователям, которые изучали аудиовизуальный перевод, основу данного вида перевода составляет комбинация элементов лингвистической и нелингвистической систем кинотекста [7, с. 68]. Сам же термин определяется как «создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существовавшего на исходном языке таким образом, чтобы оно оказывало на носителя языка-реципиента такое же эмоциональное воздействие, как и на носителя исходного языка» [4, с. 375]. В связи с этим и основные трудности перевода и дублирования обусловлены в значительной мере присутствием помимо лингвистических еще и экстралингвистических аспектов кинотекста, а также особенностями киноязыка и типом переводимого контекста [6, с. 34]. Необходимо также учитывать, что существует ряд факторов, которые могут помешать восприятию оригинального фильма. К ним можно отнести некоторые индивидуальные ограничения, например, отсутствие фоновых знаний у переводчика, умение распознавать юмористическую и ироническую ситуацию и многие другие [10, p. 27].

Одну из главных трудностей для перевода в мультфильмах составляет передача каламбуров. Некоторые лингвисты приравнивают это понятие к игре слов [2, с. 342], другие же считают, что «игра слов» и «каламбур» – это два разных понятия [3, с. 45]. Такое разделение аргументируется принципом одновременной или последовательной реализации двух значений в одной языковой единице: если наличие двусмысленности становится явным

не сразу, а лишь в последующей реплике, где фраза повторяется и поясняется, то это считается не каламбуром, а игрой слов [8, с. 17]. В основном каламбуры строятся на сопоставлении омонимов, созвучии слов в узком контексте, переосмыслении устойчивых словосочетаний и фразеологизмов и так далее [1].

Для создания комического эффекта в анимационных фильмах часто используется интертекстуальность. Под данным термином понимается «общее свойство наборов знаков, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами ссылаться друг на друга [5, с. 23]. Интертекст служит в качестве коммуникативного маркера, определяющего отношение коммуниканта к определенной группе, будь то культурная, социальная, возрастная и так далее [9, с. 145].

Анимационные фильмы “Shrek” и “Shrek 2”, относящиеся к жанру комедии, приобрели широкую популярность в значительной степени именно за счет своей юмористической составляющей, и поэтому комические элементы в данных фильмах и их перевод для дублированных версий представляют достаточно интересный материал для исследования. Таким образом, можно перейти к подробному анализу выбранных примеров:

“You might have seen a housefly, maybe even a superfly, but I bet you ain’t never seen a donkey fly” [13].

«Ты, может, видел Карлсона или Питера Пэна, но вот порхание осли ты не видал» [11].

В начале фильма пожилая женщина пытается продать Осли на рынке, завязывается небольшая потасовка, вследствие которой на Осли попадает волшебная пыльца феи, и он обретает кратковременную способность летать. Шутка в данном случае строится на игре слов между “housefly”, “superfly” и “donkey fly”. Стоит отметить, что слово “superfly” относится к афроамериканскому сленгу начала 1970-ых годов и имеет значение «классный», «крутой». Таким образом, в данном примере явно наличие приема повтора корневой морфемы в вариативном контексте, в серии разных по значению существительных.

В переводе передать шутку в её оригинальной форме было достаточно проблематично из-за разницы в структуре языков и наличия сленга, поэтому переводчиками было принято решение заметно отойти от исходного варианта и компенсировать шутку наличием «Карлсона» и «Питера Пэна» в качестве отсылок к другим сказочным персонажам, что гармонично подходило под общую канву фильма.

“Donkey: We wear our fears right out there on our sleeves.

Shrek: Wait a second, donkeys don’t have sleeves” [13].

«Осел: Наши страхи написаны у нас на лбу.

Шрек: Сожалею, почерк неразборчивый» [11].

Герои добираются до башни, но, чтобы в нее попасть, им необходимо пересечь озеро кипящей лавы по небольшому шаткому мосту. Видя это, Осел решает признаться Шреку в том, что боится. Его фраза построена на идиоме “wear one’s heart on one’s sleeve”, которая означает «открыто демонстрировать свои чувства касательно чего-либо, а не держать их в секрете». Однако в целях создания комического эффекта слово “heart” в изначальной идиоме заменено на “fear” для того, чтобы подчеркнуть, что признаться Осел хочет именно в своем страхе, а точнее в боязни высоты. Для перевода было выбрано подходящее эквивалентное выражение «на лбу написано», также означающее что-то всем очевидное и сразу заметное, и в связи с ним ответная реплика Шрека о «неразборчивом почерке» также была изменена для достижения более удачной сочетаемости и сохранения комического эффекта.

“I’ll find those stairs. I’ll whip their butt too. Those stairs won’t know which way they’re going. I’m gonna take drastic steps. Kick it to the curb. Don’t mess with me. I’m the stair master. I’ve mastered the stairs. I wish I had a step right here and I’d step all over it” [13].

«Я найду лестницу, и пусть побережется. Да уж, ей от меня не спрятаться. Не на того напала. Я жесток, я укротитель лестниц. Не таких обламывал, только попадись мне, ох потопчу» [11].

На протяжении фильма можно заметить, что в репликах Осла в сценах, когда он начинает нервничать и бояться, появляются повторы. В данном случае, опасаясь появления дракона и отправляясь в одиночку по замку в поисках лестницы, Осел также очевидно испытывает страх, что заметно и в его небольшом монологе, состоящем из повторов и каламбуров на тему лестницы и связанного с ней ассоциативного ряда: *“stairs”, “way the stairs are going”, “take drastic steps”, “step all over”*.

В переводе эта тема соответственно также присутствует, однако не в такой полной мере, как в оригинале («я укротитель лестниц», «потопчу»). Часть игры слов также теряется как, например фраза *“take drastic steps”*, которая означает «принимать серьезные меры» и при этом содержит слово, которое может переводиться как «ступеньки» и «шаги», что в данном контексте создает комический эффект. Тем не менее определенная эмоциональная окрашенность реплик остается, например за счет компенсации такого выражения как *“kick it to the curb”*, означающего избавиться от кого-либо или чего-либо, фразами «не на того напала», «не таких обламывал», в которых также можно проследить двойственность значений и некую разговорность.

“Shrek: Men of Farquaad’s stature are in short supply.

Donkey: There are those who think little of him” [13].

«Шрек: Фаркуад видный вельможа, понимаешь, мужчины его стати редки в природе.

Осел: Кое-кто считает его ужасным тираном» [11].

Фиона спрашивает Шрека и Осла, как выглядит ее будущий жених, лорд Фаркуад. В ответе на вопрос они на самом деле описывают внешность лорда Фаркуада, рост которого намного ниже среднего. Тем не менее, Фиона неверно истолковывает слова Шрека и Осла, полагая, что они подвергают сомнению величие лорда Фаркуада. Подобное непонимание возникает из-за неверного восприятия Фионой слов *“stature”, “short”, “little”*, в смысле, отличном от того, который в них вкладывали Шрек и Осел, параллельно создавая игру слов.

Слово *“stature”* может означать как физический рост человека, так и его высокий статус обществе, и в то время как Шрек подразумевает первое, Фиона думает о втором. *“Short”* также означает «низкий» в контексте роста, однако фраза *“in short supply”* говорит о чем-то, что находится в дефиците или «редко встречается». Прилагательное *“little”* тоже указывает на рост, в то время как *“to think little of someone”* значит не очень лестно о ком-то думать, не уважать. Из этих примеров видно, что Фиона воспринимает данные слова не в буквальном смысле, а в переносном. Подобная неверная интерпретация вызвана тем, что Фиона лично никогда не видела лорда Фаркуада, и в результате этого не понимает, что Шрек и Осел смеются над ним, а не завидуют его социальному величию. В переводе двусмысленность смыслов можно проследить только в слове «стать», в то время, как *“stature”* заменяется на «видный», а *“little”* на «ужасного тирана», что совершенно не сохраняет оригинальной задумки и исполнения.

“Oh stop being such a drama king” [14].

«О, довольно драматизировать» [12].

Это юмористическое высказывание основано на идиоме, которая трансформируется по структуре. Оригинальная идиоматическая фраза *“drama queen”* обозначает человека, независимо от его пола, который «раздувает из мухи слона». Поскольку королева обращалась к королю, который слишком остро реагировал на данную ситуацию, идиоматическое выражение трансформируется в слово *“king”* вместо оригинального *“queen”*. В переводе реализуется двойной смысл слова «драматизировать», которое буквально означает «переделывать какое-либо произведение, придавая ему формы драмы», однако в данной ситуации актуализируется его второе значение: «утрировать, сильно что-то преувеличивать».

“Well folks it looks like we’re up chocolate creek without a Popsicle stick” [14].

«Похоже, мы попали в молочную стремнину и не можем прибиться к кисельному берегу» [12].

Эту фразу произносит Пряничный человечек, когда персонажи собираются бежать из

тюрьмы, чтобы попасть во дворец, и осознают, насколько это будет трудная задача. Традиционный фразеологизм *“to be up the creek without a paddle”* означает «находиться в затруднительном положении или безвыходной ситуации». Однако юмор в ситуацию вносят добавленные к данной фразе определения, связанные с кондитерскими изделиями, так как произносит реплику Пряничный человечек. В переводе и задуманное значение фразы, и специфичные стилистические элементы также отображены.

“Then they got drunk and start beating me with a stick, going “Piñata”! What is piñata, anyway?” [14].

«Потом они напились, стали дубасить меня и вопить «Мани, мани»! Что это за мани такое?» [12].

Комичность ситуации заключается в отсылке к традиционной мексиканской игре под названием *“Poner la cola al burro”*, которая обычно проводится на вечеринках на открытом воздухе. Эта игра широко известна в Соединенных Штатах благодаря большому количеству приехавших мексиканских эмигрантов. Пиньята обычно представляет собой игрушечного ослика, которого наполняют конфетами и подвешивают, например, на ветке дерева. Затем дети выстраиваются в шеренгу, и каждый из них по очереди пытается ударить пиньяту палкой так, чтобы она сломалась, и из нее высыпались конфеты. Возможно, в переводе данная игра была заменена на аллюзию на сказку братьев Гримм «Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка», где у одного из героев был ослик, с которого после произнесения определенной фразы сыпались золотые монеты. Однако возможно, что из-за элемента форенизации, хоть и измененного с «пиньяты» на «мани», эту отсылку, тем более в виде шутки, зрителю будет сложно понять.

“Yeah and here’s that bush shaped like Shirley Bassey!” [14].

«Да, а вот и куст похожий на Фрэкен Бок» [12].

В этом эпизоде Осел со Шреком блуждают по лесу в поисках отца Фионы, с которым должны были встретиться. Они упоминают Ширли Бэсси, британскую певицу, которая стала известна во многих странах после исполнения песен к фильмам о Джеймсе Бонде, таким образом, комический элемент в данном случае осложнен не только культурной отсылкой, но и визуальным компонентом фильма. Ввиду того, что русскоязычной аудитории, и тем более детям, эта певица вряд ли знакома, в переводе использован персонаж, который подходит для визуальной составляющей, и многим известен по произведениям Астрид Линдгрен и соответствующему мультфильму.

“No, that’s the Old Keebler’s place. Let’s just back away slowly” [14].

«Ничего себе домик в деревне. Лучше отсюда свалить» [12].

Данную фразу произносит Осел, когда с другими персонажами видит завод Феи Крестной по производству зелий. В оригинале для юмористического эффекта используют телевизионную рекламу от “United Biscuit Company” и ее бренда печенья “Keebler”. В рекламе были представлены эльфы, жившие в дупле дерева и производившие то печенье, и их часто изображали вредными проказниками. Подобные ассоциации, очевидно, и были причиной того, что Осел не хотел приближаться к фабрике. В переводе используется адаптация под известный в России бренд, основанный еще в конце девяностых годов, под названием «Домик в деревне». Эта замена позволяет сохранить в дубляже иронию и комический эффект за счет расхождения вербальной составляющей с «домиком» и визуальной, где крупным планом посреди леса показывается огромное предприятие.

Сравнительно-сопоставительный анализ комических элементов оригинальной версии анимационных фильмов “Shrek” и “Shrek 2” и дубляжа от студии «Пифагор» (наиболее известного для русскоговорящей аудитории) позволил выделить два основных способа создания комического эффекта на вербальном уровне: различные виды каламбура и замена культурных элементов.

Для передачи каламбуров и реалий в анимационных фильмах переводчик может прибегнуть к использованию приема компенсации и найти эквивалент, который обладает схожим комическим эффектом. Для достижения эквивалентности переводчик также может

использовать любые виды трансформаций: лексические, грамматические, комплексные и т.д. Однако каламбуры в исходном материале тесно связаны с национальным менталитетом и культурой, что затрудняет возможность создания эквивалента с равноценной экспрессивностью и значением. Задача переводчика осложняется безэквивалентной лексикой или прецедентными контекстами, о которых он может не знать. В результате комический элемент, переведенный буквально или полностью элиминированный, теряется, тем самым снижая эмоциональное воздействие текста на зрителя.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]: [В 30 т.] Глав. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/> (дата обращения: 25.04.2023).
2. *Влахов Сергей*. Непере译имое в переводе / Сергей Влахов, Сидер Флорин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Высш. шк., 1986. 416 с.
3. *Иволгина А.И.* Особенности передачи каламбура в аудиовизуальном переводе мультсериалов с английского языка на русский (на примере серий британского мультсериала «Агент Маус») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 44–50.
4. *Козуляев А.В.* Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // XVII Царскосельские чтения: материалы Муждунар. Науч. Конф. 23-24 апр. 2013 г. СПб., 2013. Т. I. С. 374–381.
5. *Коновалова М.В.* Когерентность и интертекстуальность как текстовые категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8. С. 21–25.
6. *Малёнова Е.Д.* Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С.32–46.
7. *Матасов Р.А.* Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 211 с.
8. *Сазонова Л.А.* Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2004. 185 с.
9. *Фёдорова И.К.* Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43 (181). Филология. Искусствоведение. Вып. 39. С. 142–149.
10. *Zabalbeascoa P.* Translation in constrained communication and entertainment // New insights into audiovisual translation and media accessibility. Media for all 2 / Ed. By J. Díaz Cintas, A. Matamala, J. Neves. Amsterdam; New York, 2010. P. 25–40.

Источники иллюстративного материала

11. Шрек (2001) // SHREK. URL: <https://shrek-mult.ru> (дата обращения: 25.04.2023).
12. Шрек 2 (2004) // SHREK. URL: <https://shrek-mult.ru> (дата обращения: 25.04.2023).
13. Shrek (2001) // GODEAF. URL: <https://25apr.godeaf.me/2927-shrjek-2001-subtitry.html> (дата обращения: 25.04.2023).
14. Shrek 2 (2004) // GODEAF. URL: <https://19apr.godeaf.me/2606-shrjek-2-2004-subtitry.html> (дата обращения: 25.04.2023).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ, МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 159.9.01

МАГИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ В БЫТУ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ФОРМА МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Богза Е.А.

MAGICAL RITUALS IN THE EVERYDAY LIFE OF MODERN HUMANITY AS A FORM OF MYTHOLOGICAL THINKING

Bogza E.A.

АННОТАЦИЯ. В данной статье обосновывается тезис о том, что современное мышление человека и на сегодняшний день во многом мифологично, и это имеет свои последствия в жизни людей. Даже несмотря на переосмысление мифов и дальнейшее их преобразование, миф, мифологические структуры не могли быть отменены вовсе, и потому различные компоненты магического мышления до сих пор сохраняют свою актуальность. Это обуславливается тем, что миф даёт ощущение психологической защищённости, ведь в то время, как наука порождает новые вопросы, смыслы мифов находят на них свои ответы, устраняя неопределённость, психологически тяжёлую для человека. Таким образом, миф в широком смысле – более доступный и простой способ «получить ответы» от бытия и «установить контроль» над ним.

Ключевые слова: культура, мифология, магическое сознание, первобытное мышление, боги в мифологии.

ABSTRACT. This article substantiates the thesis that modern human thinking is largely mythological and this has its consequences in people's lives. Despite the rethinking of myths and their further transformation, myths and mythological structures could not be canceled at all, and therefore various components of magical thinking still retain their relevance. This is due to the fact that the myth gives a feeling of psychological security, because while science gives rise to new questions, the meanings of myths find their answers to them, eliminating uncertainty that is psychologically difficult for a person. Thus, the myth in the broadest sense is a more accessible and easier way to "get answers" from being and "establish control" over it.

Key words: culture, mythology, magical consciousness, primitive thinking, gods in mythology.

Широко известно, что мифологическое мышление было свойственно древним людям, то есть оно существовало десятки тысяч лет, задолго до появления религиозного, художественного, научного (к разновидностям которого мы относим и философское) типов мышления. И в век высоких информационных технологий, казалось бы, странно серьёзно говорить о значении мифов – они, как может показаться, представляют собой пережитки прошлого, сказку, вымысел. Однако мифологическое сознание присуще людям и по сей день, что мы и собираемся продемонстрировать и обосновать в нашей работе, оттолкнувшись от следующих слов «Новой философской энциклопедии»: «Некоторые особенности мифологического мышления сохраняются в массовом сознании наряду с элементами философского и научного знания, строгой научной логикой» [8, с. 582].

Конечно, мы отдаём себе отчёт в том, что существует множество исследований на тему мифологического мышления; оно активно изучалось А.Ф. Лосевым, К.Г. Юнгом,

Е.М. Мелетинским, К. Армстронг, И.М. Дьяконовым, Й.П. Вейнбергом и многими другими отечественными и зарубежными исследователями. Однако же по сей день открытым остаётся вопрос о формах, в которых продолжает проявляться мифологическое мышление у современного человека. Мы рассмотрим сущность мифа, отметим главные особенности данного мышления у древних людей и обозначим аналоги этих особенностей у наших современников.

В своей работе «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев даёт следующее определение: «Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми её надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей её реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью» [7, с. 40]. По А.Ф. Лосеву, миф – не выдумка, это наиболее яркая и самая подлинная действительность. В книге «От мифа к литературе» Е.М. Мелетинский пишет: «Миф является средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф – продукт первобытного мышления. Его ментальность связана с коллективными представлениями (термин Дэвида Эмилia Дюркгейма), бессознательными и сознательными скорей, чем с личным опытом» [9, с. 24]. То есть миф рассматривается как способ осмысления мира человеком.

В том же ключе мифологическое мышление определяет и И.П. Вейнберг в работе «Человек в культуре древнего ближнего востока»: «Мифологическое мышление – это мышление предметно-чувственное, образное, характеризующееся слабым развитием абстрактных понятий, медленностью, затрудненностью разработки таких понятий и выражающих их слов» [2, с. 46].

В книге «Краткая история мифа» К. Армстронг пишет: «Миф представлял собой событие, в каком-то смысле произошедшее однажды, но при этом повторяющееся постоянно. Привычный для нас строго хронологический подход к истории не позволяет подобрать слово для описания подобного явления. Но мифология – это особая форма искусства, устремленная за пределы истории ко вневременному ядру человеческого бытия, помогающая вырваться из хаотичного потока случайных событий и уловить отблеск самой сути реальности» [4]. Как мы видим, процитированный автор представляет миф как попытку познания и упорядочивания человеком реальности.

И, наконец, определение И.М. Дьяконова из его работы «Архаические мифы Востока и Запада», которое также перекликается с теми, что мы привели выше: «Миф – не символ, не аллегория, а эмоционально окрашенное событийное осмысление феноменов мира» [3, с. 84].

Б.К. Малиновский утверждал, что «между словом, логосом – мифами, священными сказаниями племени, – с одной стороны, и ритуальными действиями, моральными установками, выражающимися в поступках, социальной организацией и даже практической деятельностью, с другой, существует тесная связь» [1, с. 94–95]. Следовательно, мифы являлись неотъемлемой частью жизни людей, которая регулировала их деятельность и социальные отношения. Каждый из авторов рассматривает миф как особый способ осмысления мира и окружающей реальности человеком.

Таким образом, мы можем заключить, что миф – это прежде всего реальность, в которой существовал человек мифологического сознания, а также особая попытка эту реальность осмыслить и упорядочить. Учитывая, что миф основан непосредственно на личном опыте человека, на различных событиях его жизни, будет неверным трактовать миф как нечто фантастическое и надуманное. Важным моментом в определении мифа также является его эмоционально-чувственная составляющая.

Далее мы постараемся раскрыть сущность мифа через критику основных заблуждений о нём. Во-первых, миф принято ставить на одну полку с такими понятиями, как «сказка» или «чистая фантазия». Однако сказка являет собой литературно обработанный миф, а литература – это не что иное, как одна из форм духовной деятельности человека, то есть искусство. В то время как искусство отображает реальность, миф – это и есть реальность. Поэтому будет ошибкой приравнивать миф к фантазии, поскольку, опять же, миф – это

реальность, в которой живёт человек мифологического сознания.

Во-вторых, «миф – это протонаука» – именно такое заблуждение существует как в обыденном сознании, так и в некоторых серьёзных работах. Однако основа мифа – вовсе не рациональное постижение реальности; это результат именно интуитивно-чувственного восприятия действительности, самоочевидное, непосредственное и не нуждающееся, как та или иная наука, в доказательствах.

В-третьих, в рамках историко-филологического аспекта миф принято рассматривать как совокупность преданий, сказаний о богах и героях. Стоит отметить, что это – исключительно описательное определение мифа, его поверхностное восприятие, которое не задерживает своё внимание на сущности. Благодаря исследованиям мифа в XX веке было обнаружено множество совпадений в мифах самых разных времён и народов. Это позволило обратиться к сущности мифа и заключить, что миф есть особый, специфический способ мышления, обладающий своей логикой и набором стереотипов. То есть миф – не сказания о былом, а основание культуры (в т.ч. и современной).

Следовательно, первобытный человек буквально отражал реальность, в которой жил, и поэтому субъектом архаического мифа являлся сам мир. Примером этого может послужить объяснение прекращения засухи посредством мифа первых земледельцев Ближнего Востока, согласно которому гигантское существо Имдугуд (существо представлялось как птица, имеющая человеческое тело, голову льва и клюв, подобный пиле), будучи спокойным, закрывало всё небо своими гигантскими крыльями, тем самым затягивая небо плотными грозowymi тучами [6]. Таким образом, в этом и подобных мифах главным представлялась единство, с которым взаимодействие древнего человека и природы переживается, а в дальнейшем мыслится и описывается. Мифы содержали рассказы именно о событиях, имевших большое значения для существования людей.

Итак, мы выяснили, что миф – это реальность, в которой существовал древний человек, а не его вымысел; миф – не требующий доказательств результат чувственного восприятия мира; и, наконец, миф – это основание любой культуры, имеющее свою логику. Далее мы рассмотрим отличительные особенности мышления в мифах.

1. Синкретичность мифологического мышления. Человек мифологического сознания в силу неразвитости имеющегося у него знания не мог отделить идеальное от материального, образ от предмета, поэтому тот или иной объект мог восприниматься не просто как объект, которым он и является, а определённым знаком. Образ предмета и сам предмет находились в неразличимом единстве для человека [8, с. 281].

2. Анимизм (от латинских слов «анима» – душа или «анимус» – дух, означает одушевление природы) и антропоморфизм (перенесение человеческих качеств на природу). Древний человек воспринимал окружающий его мир по аналогии с собой, то есть живым и одушевлённым, а его эмоциональное отношение к предмету приравнивалось к свойствам этого предмета. Поэтому, к примеру, человек видел не просто море, ведь оно изменчиво, подвижно, и способно нести человеку как пользу, так и вред. Понятие «первобытный анимизм» ввёл один из наиболее выдающихся этнографов и историков культуры 19 века – Эдвард Бёрнетт Тайлор в своей книге «Первобытная культура». Анимизмом он назвал веру в духовные существа, считая, что при размышлениях о смерти или сновидениях первобытные люди пришли к выводу о существовании некой души. По их мнению, душа, представляющая собой особую субстанцию, может временно или навсегда покидать тело. Это дало толчок для развития представлений о духах, которые существуют отдельно [12]. В итоге сформировалось мнение о духах природных стихий, растений, животных. Кроме того, Э.Б. Тайлор проводил тесную связь между анимизмом и такими формами общественно-исторического сознания, как фетишизм (вера в сверхъестественные свойства некоторых неодушевлённых предметов) и тотемизм (вера в тесную связь людей с их предком, который представлен каким-либо видом животного, растения или даже предмета).

В основе анимизма мифологического мышления лежит принцип аналогии. Согласно ему, всё то, что осуществляет действия, обязательно живое и одушевлённое, как и человек.

Так, к примеру, мотивы, которыми руководствуются духи или демоны в своих действиях, аналогичны человеческим. И точно также духи и демоны могут быть дружелюбными и враждебными [5].

Попытка усовершенствовать теорию анимизма Э.Б. Тайлора была предпринята Робертом Мареттом – социальным антропологом и религиоведом. Согласно его мысли, в сознании первобытного человека сверхъестественное – это стихийная безличная сила. Данная сила влияет на жизни людей, но в то же время на неё саму тоже можно повлиять при определённых обстоятельствах [12].

3. Мифологическое мышление обладает особенной логикой. В то время как формальная логика руководствуется индуктивным и дедуктивным умозаключениями, логика мифа трансдуктивна. Другими словами, для мифа не будет странным переход от общего – к другому общему, и наоборот, от частного – к другому частному [8, с. 295].

4. В мифе человек – исключительно природное существо, и сама природа есть Бог. Божества же, присутствующие в мифологии, не являются абсолютно совершенными – как правило, совершенство имело место только в каком-либо одном качестве. Кроме того, божества наделялись недостатками, присущими простому человеку, тем самым делая связь между божествами и человеком теснее.

5. Что касается образования мира – в мифе все элементы мира существовали уже до космоса, но имели хаотическое состояние. Для сравнения вспомним возникновение мира в религии, где мир образовался благодаря чудесному скачку из «ничто» в «нечто» [8, с. 298]. Таким образом, в мифологии главенствующей была оппозиция космоса (порядка) и хаоса, центра и периферии.

Но на сегодняшний день многое изменилось: значительное развитие получила наука, которая подразумевает скептицизм, логику и отказ от принятия чего-либо на веру. Разве все это позволяет утверждать, что мифологическое мышление имеет место в сознании человека в наши дни?

6. Наконец, мы подошли к центральному пункту этой статьи. Даже при развитии науки и критического мышления, по сей день сохраняется главное свойство мифологического мышления – его магичность [11]. Магия есть результат особого взгляда на мир, подразумевающего принцип всеобщей причинно-следственной связи (в основном ассоциативной). Другими словами, всё происходящее – огромная цепь событий, и отдельный эпизод или действие – лишь одно из её звеньев. Магия подразумевает возможность найти предмет-заменитель (то есть, предмет, который связан с интересующим, но недоступным нам объектом) и лично воздействовать на него.

На сегодняшний день миф представляет собой основную форму конструирования реальности, что происходило и множество веков назад, в архаическую эпоху, когда благодаря мифу культура имела свою динамику наполнялась своеобразным содержанием. Как в давние времена, так и сегодня, самыми ярким проявлением мифологического мышления является использование различных примет и ритуалов – это определённые магические действия, основанные на ассоциативной связи (рассыпал соль – жди беды, плюнул через левое плечо – отвёл от себя беду). Магия подразумевает возможность найти предмет-заменитель (то есть, предмет, который связан с интересующим, но недоступным нам объектом) и лично воздействовать на него.

Как в давние времена, так и сегодня, самыми ярким проявлением мифологического мышления является использование различных примет и ритуалов – это определённые магические действия, основанные на ассоциативной связи. Ритуалы, к которым прибегают гадалки, шаманы и прочие представители сверхъестественного, включают в себя одну из значимых особенностей мифа – тесную связь образа и предмета. Наделяя смыслом действия (как свои, так и других людей), человек верит в то, что в итоге они подействуют определённым образом на его жизнь – это и есть мифологическое ощущение цельности мира. Кроме того, можно выделить следующие формы проявления мифологического мышления, которые продолжают существовать:

- паранаука (астрология, хиромантия, уфология, и пр.);
- отношение к Земле и к космосу как к чему-то одухотворённому (отсюда следует представление об ауре, на которую можно повлиять совершением добрых или дурных поступков);
- персонификация объектов (нередко выражающаяся в общении с одушевлёнными или неодушевлёнными предметами).

В книге «Критическое мышление» Н.Ю. Непряхин приводит статистику по нашей стране, согласно которой 31% россиян считают возможным предсказание будущего, 46% верят в существование потусторонних сил, а в примеры верит около 1/3 населения [10].

Приметы, ритуалы и прочие компоненты магического мышления до сих пор сохраняют свою актуальность по причине того, что миф даёт ощущение психологической защищённости, ведь в то время, как наука порождает новые вопросы, мифологическое мышление даёт на них свои ответы, устраняя неопределённость, психологически тяжёлую для человека. Таким образом, миф в широком смысле – более доступный и простой способ «получить ответы» от бытия и «установить» контроль над ним. Ведь мифологические божества суть антропоморфизированные природные стихии и виды человеческой деятельности, они имманентны миру, и с ними можно установить взаимовыгодные отношения через жертвоприношения в широком смысле этого понятия.

В качестве резюме наших рассуждений отметим, что миф не исчез из сознания человека, исторически его заменяли научное, критическое мышление, которые методом причинно-следственных связей подвергали сомнению очевидность ответов, предоставляемых мифологией.

Список литературы

1. Малиновский Б. Магия, наука и религия. Пер. с англ. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.
2. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. 220 с.
3. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 247 с.
4. Армстронг К. Краткая история мифа // knizhnik. URL: <https://knizhnik.org/karen-armstrong/kratkaja-istorija-mifa/1> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление // evolv.ho.ua. URL: <http://evolv.ho.ua/Books/Klix/index.html> (дата обращения: 10.04.2021).
6. Конвей Д.Дж., Полная энциклопедия мифологических существ. История. Происхождение. Магические свойства // ВикиЧтение. URL: <https://info.wikireading.ru/37539> (дата обращения: 10.04.2021).
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
8. Мелетинский Е.М. Мифология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. Науч.-ред. совет: В.С. Стёпин (председатель) и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 581–583.
9. Мелетинский Е. От мифа к литературе. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2001. 169 с.
10. Непряхин Н. Анатомия заблуждений. Большая книга по критическому мышлению [электронный ресурс] // litmir. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=692859&p=1> (дата обращения: 11.04.2021).
11. Смирнов М.Ю. Магия, религия и мифологическое сознание // anthropology. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smirnov-myu/magiya-religiya-i-mifologicheskoe-soznanie> (дата обращения: 12.04.2021).
12. Тайлор Э.Б. Первобытная культура [электронный ресурс]. М.: Политиздат, 1989. / az.lib. URL: http://az.lib.ru/t/tajlor_e_b/text_1871_primitive_culture.shtml. (дата обращения: 12.04.2021).

УДК 159.953.4

**ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ
ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ**

Игошин Я. Е. Сятрайкин Е. Г.

Научный руководитель: Артамонова А. А.

**PRACTICE-BASED TECHNIQUES FOR LEARNING FOREIGN LANGUAGES IN THE
CONTEXT OF NEW EDUCATIONAL STANDARDS**

Yaroslav E. Igoshin, Evgeniy G. Syatraikin

Scientific advisor: Alina A. Artamonova

АННОТАЦИЯ. Последние события в науке и образовании рожают необходимость в их цифровизации. Это в значительной степени влияет на формирование новых правил и требований, как к методологии преподавания, так и к условиям обучения учащихся. Ускорение цифровизации в образовании имеет стихийный характер, в отрицательном ключе, когда в угоду ускорению процесса обучения разрушается цельная структура всего обучения. Разделение цельного материала на части целесообразно только при условии однородности. Соединение разных материалов нецелесообразно, поскольку невозможно сосредоточить внимание одновременно на двух разных вещах. Рассмотренные приемы способны помочь справиться с проблемами цифровизации обучения иностранным языкам. Приемы, перечисленные в этой статье, могут способствовать достижению равновесия обеих сторон вопроса, обеспечивая рациональное упрощение и сокращение времени обучения без вреда для качества обучения.

Ключевые слова: информационные технологии, приемы обучения, изучение иностранных языков, познание, самостоятельность.

ABSTRACT. Rapid development of science and education give rise to the need for their digitalization. This trend is making a powerful impact on the formation of new rules and requirements, both for the teaching methodology and for the conditions of students' learning. The acceleration of digitalization in education is spontaneous, in a negative sense, as due to the learning process boosting, the coherence of education structure is being destroyed. The division of a solid material into parts is advisable only under the condition of its homogeneity. Combining different materials seems to us impractical, since it is impossible to focus on two different things at the same time. The considered techniques can help to cope with the problems of digitalization in teaching foreign languages. The techniques listed in this article can bring the two sides of the issue to a balance, providing for a rational simplification and reduction of training time without compromising the quality of training.

Key words: information technologies, techniques of instruction, foreign language learning, cognition, independence.

Вопрос внедрения информационных технологий [9, с. 40] в сфере образования [13, с. 42] особенно остро встал в первые месяцы пандемии коронавируса [14, с. 42] и до сих пор остается одной из самых важных тем для обсуждения. Многие организации и компании столкнулись с новыми требованиями и правилами, диктуемыми ускорением цифровизации рабочих процессов. Школы, колледжи и ВУЗы впервые начинают самостоятельно осваивать информационные технологии для применения в образовании. Поскольку внедрение информационных технологий не позволяло использовать любые пути для адаптации традиционного очного обучения под дистанционное обучение, возникли сложности по их практической реализации.

Дистанционное обучение имеет свои особенности и ограничения, не позволяющие использовать универсальные способы, также как при изучении других дисциплин и

предметов, что, по сути, является большой проблемой [4, с. 445]. До недавнего времени, эту проблему частично пытались решить путем ускоренной разработки различных онлайн курсов и методологий преподавания, но ощутимых результатов, в общем, в этом направлении достигнуто не было. Эта проблема послужила основой для разработки практических приемов для изучения иностранных языков, называемых мнемотехниками.

Сложившаяся ситуация не оставила без внимания изучение других дисциплин и предметов. В случаях, когда проверка знаний подразумевает решение задачи, у которой может быть один или несколько ответов, предполагается, что человек заранее обладает нужными знаниями процесса и формулирования ответа. Ответ в этом случае, используется как индикатор качества, но не объективный. В этом наблюдается большая разница между традиционным очным обучением и дистанционным. Во время проверки знаний есть возможность убедиться, что решение верное, но ответ мог не совпасть с ключом.

Поскольку ответ в результате решения не может быть объективным без анализа хода решения, опираться на использование его, в качестве основной методики изучения и проверки знаний не представляется возможным. Важно отметить, что только при наличии обратной связи между преподавателем и студентом, в принципе, возможно, какое-либо развитие. Она необходима обучающемуся для понимания и контроля допускаемых им ошибок.

Традиционное обучение предполагает использование не только письменной речи, но и устной. Благодаря многостороннему изучению, изучаемый язык лучше запоминается, формируются практические навыки произношения, повышается грамотность письма на иностранном языке, результатом чего является связанная осознанная речь.

Изучение иностранного языка, в частности, направлено на:

- 1) Умение читать иностранную литературу;
- 2) Умение связно выражать смысл прочитанного на иностранном языке;
- 3) Грамотное построение письменной и устной речи на иностранном языке;
- 4) Осознанный перевод на родной и иностранный языки.

Разберем каждый из пунктов. Умение читать иностранную литературу формируется последовательным повышением уровня сложности текста по его объему и разнообразию используемых в нем слов. Умение осознанно передавать смысл обычно появляется сразу после того, как человек научился переводить текст с родного языка на иностранный язык и обратно. Грамотное письмо и речь являются обязательной частью изучения языка и гарантирует обучающимся, что при соблюдении всех правил, таких как правописание, пунктуация, фонетика и выбор лексики, их письменная или устная речь будет правильно воспринята носителем языка.

Процесс познания разделяется на познание отдельных признаков предмета [3, с. 9], таких как габариты, форма, вес, гибкость, вязкость, температура, цвет, состав, запах и другие [13, с. 285]. По сути, каждый из признаков – это часть целой реальной модели объекта. Осознание человеком, как описать предмет, не имея представления о его реальном названии, это первый шаг к познанию самого предмета. Человек использует описание предмета, если не знает, как оно на самом деле называется.

Сложность языка – это один из главных факторов, влияющих на требования к изучению иностранного языка. Этимология языков различается и это основание, по которому нельзя сводить все методы обучения для всех языков к одному универсальному методу. Причины этому существуют и вполне очевидны, дистанционно не представляется возможным научить человека печатать иероглифы на клавиатуре компьютера, равно как и научить абсолютно любого человека их использовать.

Языковая система иероглифов достаточно сложная для изучения, особенно для людей, которые видят их впервые в жизни. Эта сложность является барьером в изучении языка, но это не означает что его нельзя преодолеть. Без целеустремленности человека, изучающего язык, обойтись нельзя. Упорство и интерес должны быть основным двигателем его собственного прогресса.

Выделим основные недостатки дистанционного обучения при изучении иностранных языков:

1) Существуют различия в языках, изучение которых связано с одновременным познанием текстового и устного материала, с учетом индивидуальных особенностей человека невозможно реализовать в универсальных методологиях обучения.

2) Совершенствование навыков устной речи должно совершенствоваться путем непосредственного общения с носителем языка или, как минимум, человеком владеющим языком на высоком уровне, что проще всего делать в аудитории. Тогда человек имеет возможность сравнивать и запоминать примеры произношения и постановки предложений с другой интонацией и другими словами. Это стимулирует человека к произвольному мышлению.

3) Целеполагание каждого отдельного человека может оказаться очень разным, то есть задачи могут быть изначально одинаковые у группы людей, но конечные цели реализации получаемых знаний – разные [10, с. 3].

4) Задачи, используемые для обучения иностранному языку, должны быть нестандартными, непредсказуемыми по типу их выполнения. В тоже время, чтобы создать творческую обстановку, необходимо обеспечить человеку свободу времени и свободу выбора способов решения задач. Обучение человека шаблонным способом решения задач не является гарантией того, что реальная задача, с которой можно встретиться на практике, будет похожа на изученную ранее.

5) Самостоятельное изучение иностранного языка возможно лишь в том случае, когда человек имеет представление о возможных путях решения задач. Это исключает возможность использования самостоятельного изучения вводной части, тем более дистанционно [5, с. 65].

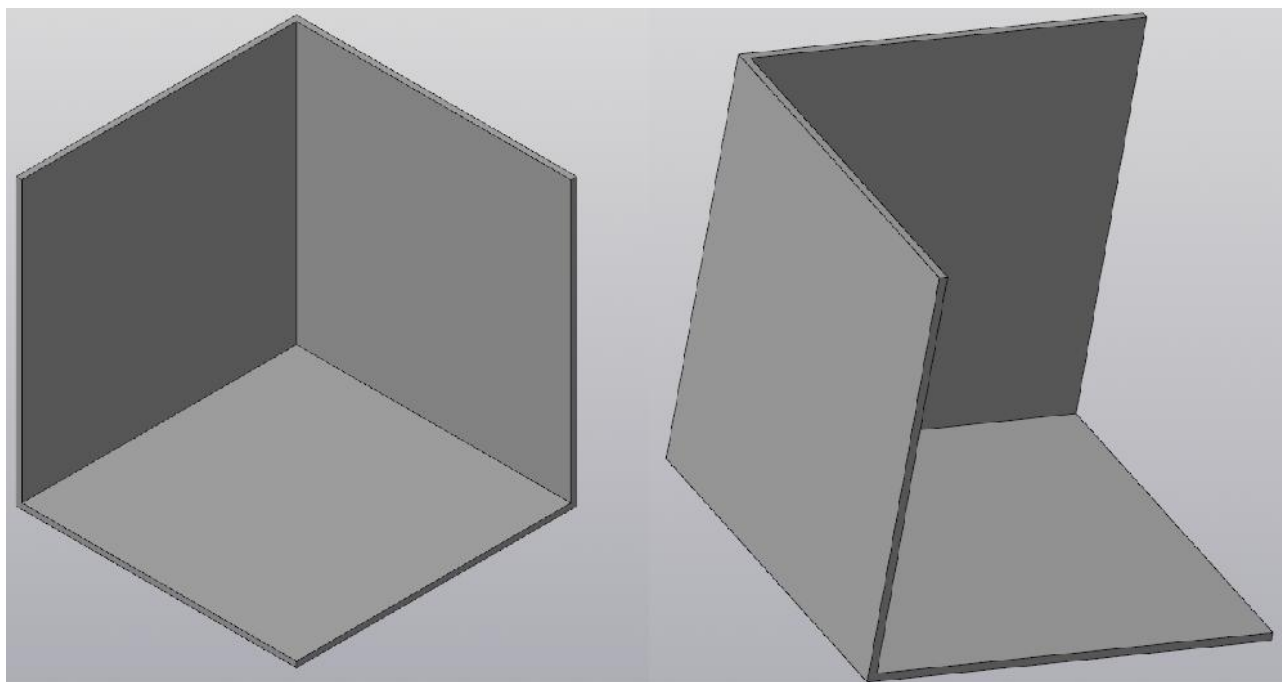
На основании недостатков, перечисленных выше [2], отметим, что критерии по использованию информационных технологий [9, с 42] в обучении иностранному языку, достаточно узкие. В этой ситуации, были сформированы приемы, способствующие наилучшему познанию иностранного языка в условиях дистанционного обучения с использованием информационных технологий.

Человек может уделить время написанию субтитров к интересующему его фильму, перевести главу из интересной для него книги или перевести научную статью с целью изучения ее на родном языке [6]. Это хорошая возможность познакомиться с новым опытом осознанного перевода слов и предложений, совмещающим в себе практику иностранного языка и пользу в каком-то другом аспекте, например для написания научной статьи со ссылками на иностранную литературу [2].

Литературный обзор по рассматриваемой теме, изучение комментариев, иностранных форумов для восприятия одной и той же темы с разных точек зрения на иностранном языке. Прием позволит человеку расширить словарный запас, показать несколько вариантов выражения одной и той же идеи на иностранном языке и закрепление знаний о строении предложений.

Написание текста на произвольную тему или ведение тетрадей-словарей, с целью сохранения навыков перевода и произношения отдельных слов на долгое время. Этот прием имеет актуальность достаточно давно и является важной частью изучения языка, но пока еще не везде [6].

В качестве примера рассмотрим случай с объемной фигурой. На Рис. 1 представлены два вида изображения одной и той же фигуры. Если рассмотреть вид фигуры в изометрии, трудно с первого раза понять с какой стороны находится наблюдатель от фигуры. В данном случае, для того чтобы понять, как на самом деле выглядит предмет, необходимо найти другую «точку зрения», а именно, задать произвольный вид на фигуру. Это пример показывает, что опираясь лишь только на один источник, невозможно познать весь предмет целиком, поскольку это всего лишь ограниченный взгляд, охватывающий не все детали истинного познания.



Объемная фигура в изометрии

Произвольный вид на фигуру

Рис. 1. Объемная фигура в изометрии и произвольно выбранный вид на нее

Из этого следует, что литературный обзор это не просто поиск существующих аналогов на ту или иную тему, а представление о предмете с разных точек зрения. Пример на Рис. 1 можно отнести к тому, как гипотетически может на самом деле выглядеть объект, если рассматривать его с разных точек зрения.

Учитывая то, что гипотеза может выдвигаться, основываясь на свойствах как одной точки зрения, так и двух и более, в эту тему можно ввести определения [12].

Качество – параметр, показывающий насколько точно объект, являющийся моделью, передает свойства реально существующего объекта.

Объем – наличие у объекта больше одного свойства, которые в совокупности дают лучшее представление о реально существующем или не существующем объекте.

Модель – это соединение нескольких свойств целого, реально существующего объекта, соединенных в новый объект в результате интеллектуальной деятельности.

Масштаб – параметр, показывающий относительные габаритные размеры и геометрическую форму объекта, при которых объект считается цельным и без которых рассмотрение свойств нецелесообразно.

Абстракция – это одно или несколько свойств целого, реально не существующего объекта, соединенных в новый объект в результате интеллектуальной деятельности.

В рамках данной работы, сократим эти определения до аббревиатуры КОММА (Качество, Объем, Модель, Масштаб, Абстракция). Рассмотрим пример на Рис. 2, к которому можно применить понятия КОММА. Низкое качество модели может не показать важнейших визуальных деталей. Слишком высокое качество модели показывает много деталей, переполняя ее лишними одинаковыми частями. Модель обязана иметь объем, за исключением абстракции. Абстракции, по большей части, это условности, созданные человеком как опорные понятия для объяснения сложных явлений простыми словами, символами или обозначениями. Масштаб позволяет привести все объекты, в памяти человека, к единому размеру, тем самым оставляя свободное место в памяти человека для других понятий и предметов.

Отсюда можно вывести следующее:

- модель должна обладать допустимым качеством;
- модель должна иметь объем, если это не абстракция;

- масштаб модели должен занимать как можно меньше места в памяти, чтобы сохранялись только самые важные свойства;
- абстракция может иметь всего одно свойство и этого может быть достаточно.

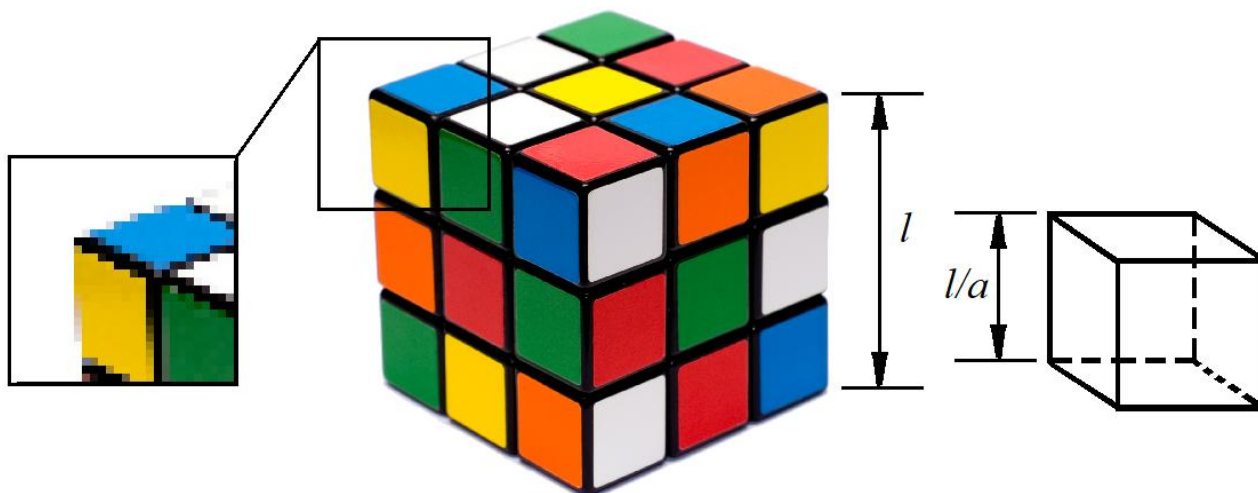


Рис. 2. Пример реального предмета и разложения его на отдельные части

В языках программирования, распространенных во всем мире, например Python, C, Basic и Pascal используется английский язык [8, с. 45]. Слова представляются функциями, у которых есть конкретное применение. Символы позволяют произвольно разделять разные слова-функции чтобы их принцип работы изменялся. За счет того, что язык программирования, в отличие от английского, предполагает использование простых конструкции слов (которые легко запомнить), экономится место в памяти на символах и используемых словах-функциях.

В частности, изучение программирования может стать частью или этапом, перед полноценным изучением английского языка [8, с. 46]. Языки программирования, использующие английский язык в своей основе, можно назвать переходной разновидностью языков, между полноценными языками и знаковой системой. Самым распространенным примером знаковой системы в мире является язык математики. Математика, по определению, это язык науки и представляется как высшая форма абстракции.

Можно построить хронологию переходов от высшей абстракции до объективной реальности, где математика это высшая форма абстракции вместе со знаковой системой, а языки мира приближенные к объективной реальности для описания объектов.

Построение речи (письменной и устной) можно сравнить с искусством [1, с. 45]. Красота и культура речи, использование разнообразных речевых оборотов и устойчивых выражений, богатый словарный запас, всегда являются преимуществом для говорящего, поскольку обладание богатым словарным запасом, умение оригинально преподнести любую тему повышает уникальность любого письменного текста. Кроме того, публичные выступления, даже на самые незначительные темы, можно преподнести таким образом, чтобы у слушателей остались самые лучшие впечатления.

Важно отметить, учитывая все перечисленное выше, что дистанционное образование должно включать в себя больше обязательных пунктов, развивающих в человеке самостоятельную работу с текстом на иностранном языке, без которых осваивать новый язык без очных занятий невозможно.

В качестве итога работы подчеркнем, что использование информационных технологий не может быть полноценной заменой привычного традиционного обучения и точно не может продолжаться в течение всего времени активного изучения иностранного языка. Это послужило основой, для создания рассмотренных выше приемов, направленных на практическое использование знаний, навыков и опыта человека. Информационные

технологии могут служить лишь приложением или дополнением к традиционному изучению иностранного языка из-за своих ограничений. Предлагаемые в данной работе приемы позволяют эффективней использовать информационные технологии для изучения языка.

Список литературы

1. *Акатова, Т. И.* Культура речи как компонент языковой культуры личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 4(30). С. 45–50.
2. *Бесшапошникова М.П.* Приемы мнемотехники на уроках английского языка [Электронный ресурс] // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. URL.: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/inostrannyi-yazyk/2017/12/28/priemy-mnemotekniki-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 24.05.2022).
3. *Бредихина И.А.* Методика преподавания иностранных языков : Обучение основным видам речевой деятельности : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 104 с.
4. *Демьянков В.З.* Ментальный язык // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 99-101.
5. *Добровольская Е.В.* Профессиональный иностранный язык для магистерских программ: структура и содержание // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 63-67.
6. *Князева А.Я.* Активные методы обучения на уроках иностранного языка как способ формирования метапредметных результатов [Электронный ресурс] / Электронная газета Интерактивное образование. URL.: <http://io.nios.ru/articles2/85/2/aktivnye-metody-obucheniya-na-urokah-inostrannogo-yazyka-kak-sposob-formirovaniya> (дата обращения: 24.05.2022).
7. *Маркин В.И.* Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. III, Н – С, С. 285–287.
8. *Микитченко С.П.* Английский язык в деятельности программиста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 49-2. С. 45–49.
9. *Пашков М.В., Паškова В.М.* Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40–57.
10. *Сон И.С.* Роль мотивации и самостоятельной работы в изучении иностранных языков [Электронный ресурс] // Интернет-журнал СахГУ: «Наука, образование, общество». URL: http://sakhgu.ru/wp-content/uploads/page/record_28458/2017_10/Сон-И.С..pdf (дата обращения: 24.05.2022).
12. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 24.05.2022).
13. *Ходанович А.И.* Информатизация образования как научно-методическая проблема // Известия РГПУ. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 259–268.
14. *Beynon-Davies P.* Dances with bees: exploring the relevance of the study of animal communication to informatics (англ.) // International Journal of Information Management: journal. 2010. Vol. 30. P. 185–198.

УДК 791.43

РОССИЙСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Комуцци Л.В.

LE CINÉMA RUSSE DANS LE CONTEXTE DU DIALOGUE DES CULTURES

Liudmila V. Comuzzi

RUSSIAN CINEMA WITHIN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE OF CULTURES

Liudmila V. Komutstsi

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается российское кино как специфически национальный и, в то же время, универсальный язык искусства, сформированный историей и идеологией. Прослеживаются основные демаркационные точки или этапы в эволюции того своеобразного явления, которое называется «русским кино», от его зарождения на рубеже XIX-XX веков до наших дней. Традиционный критико-оценочный подход к историческому процессу позволяет выявить главный социально-политический фактор, который повлиял на русский кинематограф, сделав его столь разительно отличным от киноязыка западных фильмов. Этот фактор видится в политической воле властей страны, которые держали кино под жестким идеологическим контролем. В результате наиболее влиятельные в международном масштабе достижения российского кино приходятся на периоды временного ослабления государственной монополии на режиссуру. Это особенно характерно для 1920-х годов, то есть для эпохи советского модерна, представленной новаторскими концепциями Дзиги Вертова, Льва Кулешова и Сергея Эйзенштейна, для периода «оттепели» 1960-х годов, когда советские фильмы получили признание за пределами социалистического блока и для двух десятилетий либерализации 1980-х годов и начала XXI века.

Ключевые слова: диалог культур, язык российского кино, национальная история, идеология, коллективное сознание, Вертов, Эйзенштейн, Калатозов, Тарковский, Звезгинцев.

ABSTRACT. The article considers the Russian cinema as a distinctly national and, at the same time, universal language of art shaped by Russia's history and ideology. We follow the major demarcation points in the evolution of that singular phenomenon known as "the Russian cinema", from its birth at the turn of the XIXth–XXth centuries to our days. The traditional critical-evaluative approach to the historical process helps to find out the principle social-political factor that has affected Russian cinemaography to make it so distinctly different from the cinematic language of the Western countries. This factor is embedded in the political will of the country's rulers and authorities who have held the cinema under strict ideological control. As a result, the most internationally influential achievements of the Russian cinema fall on the periods of temporary loosening of the government monopoly over film directors. This is especially the case with the 1920s, that is, the epoch of Russian modernity represented by the innovative conceptions of Dziga Vertov, Lev Kuleshov and Sergei Eisenstein, the "thaw period" of the 1960s, when Soviet films received acclaim beyond the borders of the socialist bloc and two short periods of liberation in the 1980s and the first decades of the XXI-st century.

Key words: dialogue of cultures, the language of Russian cinema, national history, ideology, the collective, Eisenstein, Vertov, Kalatozov, Tarkovsky, Zvegintsev.

Dans le dialogue des cultures, le cinéma joue un rôle primordial en tant qu'un art "qui est plus qu'un art". Le cinéma constitue un des premiers véhicules mondiaux d'expression artistique, effaçant les frontières nationales entre les cultures. Je vais examiner le cas du cinéma russe comme exemple du discours cinématographique reflétant la dynamique de l'histoire et de la mentalité nationales. En même temps, le cinéma russe, phénomène spécifiquement national, est conçu ici comme un art qui a influencé la cinématographie dans le monde entier et qui, à son tour, a subi

l'influence de diverses tendances de la cinématographie occidentale.

Une fois apparu sur scène comme moyen de capturer visuellement le mouvement, le cinéma est devenu le véhicule par excellence de la modernité. Cependant, le cinéma russe n'a pas assimilé le paradigme de la modernité. La Russie a exploité un contexte idéologique et artistique opposé au développement de l'industrie cinématographique dans le reste du monde, surtout à Hollywood. Le film en Russie est inextricablement lié à la tradition culturelle, aux stéréotypes mentaux nationaux et aux moyens de les mettre en œuvre. L'une de ses principales caractéristiques est l'absence de "happy end".

Considérons les étapes principales de l'évolution de ce phénomène singulier qu'est le "cinéma russe".

Le cinéma russe est né dans l'Empire russe. Au tournant des siècles XIX et XX, le caméraman des frères Lumière, Camille Cerf, a organisé le tournage du tout premier film en Russie, enregistrant le couronnement du dernier tsar russe, Nikolaï Romanov, au Kremlin. Ce souverain a tenté de nationaliser la cinématographie, qu'il considérait comme une menace [4]. Depuis lors, le cinéma a toujours été contrôlé par les autorités russes.

Parmi les cinéastes russes les plus importants de l'époque citons Aleksandre Khanjonkov et Ivan Moïzoukhine; leur film *La Défense de Sébastopol* réalisé en 1911 est considéré comme le premier long-métrage russe. En 1917, après la Révolution d'octobre, le monde du cinéma russe s'est effondré en même temps que le reste de la Russie tsariste. Alexandre Khanjonkov et d'autres cinéastes à succès de l'époque prérévolutionnaire ont émigré vers l'Europe par la Crimée et Odessa, emportant avec eux l'équipement du studio, les archives de négatifs de films ainsi que leur personnel créatif et technique. Les bolcheviks ont exécuté Nikolaï Romanov, et Vladimir Lénine a déclaré en 1922 que le cinéma était "le plus important de tous les arts". Par la suite, en Russie, le cinéma ne constitue pas une forme de divertissement comme c'est le cas dans d'autres pays; il est devenu une ressource essentielle du développement de l'identité collective.

Dans les années 1920, les cinéastes russes modernistes, Dziga Vertov et Lev Kuleshov, sont apparus sur la scène culturelle. Vertov est bien connu pour son film *L'homme à la caméra* (1929) et pour la théorie du Kino-Eye – "le ciné-œil". Il a filmé des processus répétitifs tels que le fonctionnement des machines, le mouvement des foules, etc. pour montrer la nature rythmique de "la vie telle qu'elle est". Le terme français "cinéma vérité" est une traduction de l'expression "kino-réalité" de Vertov, particulièrement influente pour le cinéma documentaire dans le monde entier. En même temps, la technique de Dziga Vertov reste le point de départ du cinéma soviétique, que l'on peut qualifier d'"utopisme socialiste".

Lev Kuleshov a fondé en théorie le principe du montage. Ses découvertes sont aujourd'hui connues sous le nom d'*effet Kuleshov*. Dans ses films il a tenté de saisir le mouvement rapide des machines, de la technologie et du corps humain en tant que machine supérieure contrôlant la cadence technologique.

Un autre réalisateur de renom, Sergueï Eisenstein, a réellement révolutionné le cinéma. Son film *Le Cuirassé Potemkine* (1925) sur les révoltes prérévolutionnaires en Russie est considéré comme l'un des plus grands films de tous les temps en raison de ses techniques cinématographiques novatrices, telles que la contraposition de deux images incongrues pour créer un sens symbolique et propagandiste. Selon les critiques étrangers, les scènes de montage d'Eisenstein fixent la mentalité spécifique de la scission interne de l'âme russe slavo-tatare [9, p. 10–11].

Les films monumentaux des années 1930-1940 sont qualifiés par la critique d'un "rêve collectif" [8]. Ces films favorisent l'organisation des masses en mouvement autour de leur dirigeant, Staline. Dans le film "Lénine en 1918" de Mikhaïl Romm, c'est Staline et non Trotski qui triomphe de la guerre civile et sauve la Russie de la famine. Eisenstein a réalisé deux épopées historiques qui sous-tendent la grandeur de Staline: *Alexandre Nevski* (1938) et *Ivan le Terrible* (1944).

Ces films ont été les premiers d'une longue série à reconstituer l'histoire russe avec de nombreuses corrections historiques.

À la fin des années 1950 (l'époque du "dégel") les réalisateurs ont bénéficié d'une plus

grande liberté d'expression. Le cinéma russe commence à suivre le modèle international qui consiste à explorer le drame inhérent à la personnalité sans préoccupations idéologiques [7]. C'est l'esthétique du néoréalisme italien, du "free cinema" britannique et du cinéma vérité français [3]. Ces films se caractérisent par des rues et des intérieurs originaux au lieu de décors construits, le noir et blanc au lieu du Technicolor et une esthétique "dilletante". Des films comme *Ballade du soldat* de Grigory Chukhrai et *Quand passent les cigognes* de Mikhaïl Kalatozov ont commencé à être reconnus en dehors du bloc soviétique. Ces films ont remporté pour la première fois la Palme d'or au festival de Cannes.

Le réalisateur russe le plus influent a été Andreï Tarkovski, qui a réalisé les films d'art et d'essai *L'enfance d'Ivan*, *Andreï Roublev*, *Solaris* et *Stalker* [6]. Dans *L'enfance d'Ivan*, le protagoniste est un enfant rendu fou par la guerre. Lorsque ce film remporte le Lion d'or au festival de Venise (1962), les communistes italiens accusent Tarkovski de manquer de foi dans le progrès. Jean-Paul Sartre, en revanche, était l'un de ses supporters.

Le style de Tarkovski le rattache au cinéma occidental d'auteur, mais il correspond aussi au type de l'âme russe métaphysique.

Dans les années 1970, pendant la "période de stagnation", le cinéma soviétique a fait un grand effort pour restaurer le sentiment de respect à l'égard du collectif et des épopées héroïques de la guerre [1]. Les films d'action de masse ont été ressuscités tandis que les films de Tarkovsky, Mouratova et Herman ont été prohibés. Kira Mouratova est une autre réalisatrice importante, qui a esthétisé le "banal" dans le genre du "mélodrame provincial" (*Les Longs adieux*, 1972, *En découvrant le vaste monde*, 1979, etc.). Aleksei Herman a trouvé une forme d'expression "cinématographiquement individuelle" en reconstruisant "le sens le plus large" de l'histoire, qui avait été oublié "en général" [8]. *Mon ami Ivan Lapshin* de Herman, réalisé à la fin des années 1970 et sorti en 1985, a été le premier film soviétique à dépeindre la vie des gens dans les années 1930. Le héros du film est un agent de police judiciaire (un chekiste) qui arrête une bande de criminels, mais l'intrigue policière est reléguée à l'arrière-plan du récit. Le réalisateur s'est attelé à la tâche impossible de "dire la vérité" sur cette période dont les gens n'ont pas réalisé qu'elle était l'apogée de la terreur. La voix du narrateur, qui reste derrière l'écran, représente dans le présent ce qui se passe à la lumière de la défamiliarisation. Le montage chaotique des petits détails quotidiens est une tentative de reconstitution stylistique de cette époque révolue. Les personnages apparaissent comme des personnes qui ne croient qu'en la nécessité de faire leur devoir à leur patrie, et qui ne trouvent pas le langage pour exprimer la vérité sur leur destin tragique.

Dans le même temps, le genre de la comédie est devenu populaire. Les comédies soviétiques les plus populaires de l'époque sont *Kidnapping, à la mode caucasienne* (1967), *Les Gentlemen de la Fortune* (1971), *Les douze chaises* (1971) par Leonid Gaidai, *La nuit du carnaval* (1956), *L'ironie du Destin* d'Eldar Ryazanov et bien d'autres.

Le début de la Perestroïka et de la Glasnost et la chute de l'Union soviétique au milieu des années 1980 a déclenché un changement dans le modèle de valeur pour voir la réalité: "l'archétype infantile-collectiviste a commencé à être remplacé par l'archétype individualiste" [2]. La cinématographie s'est rapidement réorientée vers les genres occidentaux. Le concept de film soviétique se fragmente: les épopées ordonnées par l'État dans la veine des tank-operas, les efforts colossaux de Bondarchuk, la paternité individuelle obstinée de Tarkovsky, ainsi qu'un grand nombre de comédies et mélodrames soviétiques médiocres ont inondé les salles de cinéma, mais le temps du cinéma soviétique s'est écoulé et l'"hollywoodisation" des films soviétiques a commencé.

Quelques films ont commencé à aborder des sujets autrefois censurés et des thèmes qualifiés de "noirs". Le problème de la toxicomanie a été révélé dans *L'aiguille* de Rashid Nugmanov qui met en scène l'idole du rock Viktor Tsoi. *La petite Vera* de Visili Pichul a été la première superproduction traitant de la sexualité et de l'aliénation dans la société soviétique.

C'est dans ce contexte hétérogène que se détache le remarquable film de Tengiz Abuladze, *Repentance* (1986), qui ramène le spectateur au thème du stalinisme. Contrairement au langage cinématographique hyperréaliste d'Herman, le réalisateur géorgien crée une parabole philosophique générale sur le totalitarisme. Les détails du quotidien et les histoires réelles de personnes ayant

survécu aux répressions des années 1930 prennent une signification métaphorique et se transforment en grotesque et en haute tragédie.

Le cinéma russe des années 90 a été affecté par la guerre en Tchétchénie. De nombreux films de cette époque traitent de la guerre et du stalinisme [1; 5]. Le drame *Épuisés par le soleil* (1994) de Nikita Mikhalkov se déroule à l'époque où le stalinisme commence à perturber la vie idyllique des personnages et à altérer leurs destins. Le film a reçu un Oscar et le Grand Prix du Jury au Festival de Cannes. Le film *Est-Ouest* (1999), coproduit internationalement, avec Sandrine Bonnaire et Catherine Deneuve, raconte l'histoire d'une famille d'émigrés vivant dans l'Union soviétique stalinienne.

Le XXI^e siècle a vu apparaître de nouveaux noms talentueux et des films de renommée internationale.

Le Retour (2003) d'Andrey Zvyagintsev a reçu un Lion d'or à la Festival du film de Venise et bien d'autres prix. Il montre le test de vie de deux jeunes frères lorsque leur père revient tout à coup. Leur histoire atteint un niveau mystique. En 2014, son *Leviathan* a remporté d'autres prix internationaux. En Russie, il a été mal perçu par les autorités en raison de sa perspective sombre.

L'Arche russe (2003), *Faust* et d'autres films d'Alexandre Sokourov, réalisés dans le style mystico-symbolique de Tarkovski, ont également reçu des prix internationaux. *La Veille de nuit* (2004) de Timur Bekmambetov a été l'une des premières superproductions réalisées après la chute de l'industrie cinématographique soviétique.

Au cours des deux dernières années, en raison de la guerre de la Russie en Ukraine, les projets cinématographiques russes ont été interdits par la totalité des grands distributeurs de films internationaux et des festivals de cinéma. Nous espérons que la culture de cinéma russe reviendra sur la scène mondiale.

En conclusion, la langue du cinéma russe, comme toute autre école cinématographique, est à un exemple frappant d'une culture et de langue spécifiquement nationale et, en même temps, internationale. Le facteur qui a influencé la cinématographie russe et l'a rendue tellement différente du langage cinématographique des pays occidentaux est lié à la volonté des dirigeants et des autorités du pays, qui ont soumis le cinéma à un contrôle idéologique rigoureux. En conséquence, les réalisations les plus influentes du cinéma russe sur le marché international tombent pendant les périodes de relâchement temporaire du monopole exercé par le gouvernement sur les réalisateurs de films. C'est notamment le cas des années 1920, c'est-à-dire l'époque de la modernité russe représentée par les conceptions novatrices de Dziga Vertov, Lev Kuleshov et Sergei Eisenstein, la "période du "dégel" des années 1960, le début de la perestroïka et les années 2010 – la période de la libéralisation de l'art dans la Fédération de Russie. En définitive, le cinéma russe est un exemple remarquable d'art national qui provoque un dialogue entre des gens de différents pays et permet une prise de conscience de leurs sensibilités culturelles.

Les références

1. Ананьев Д.А. Великая Отечественная война в освещении советского и российского кинематографа: основные тенденции и проблемы // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 4 (41). С. 26–39. DOI: 10.52173/2079-1100_2020_4_26.
2. Добротворский С. Алексей Герман и «ленинградская школа кино» // Чапаев. Сеанс: Петербургское «Новое кино». Сборник статей. СПб.: МОЛ, 1996. URL: <https://chapaev.media/articles/3723> (дата обращения: 31.05.2023).
3. Богемский Г.Д. Судьбы неореализма. Вступительная статья // Кино Италии. Неореализм. М.: Искусство, 1989. С. 5–49.
4. Друбек Н.Л. Рождение кино в Российской империи и киноцензура // Вестник ВГИК, 2018. № 1(35). С. 8–19.
5. Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. [Электронный ресурс] // Отечественные записки. №4(43). 2008. URL: <https://strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-voyne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletiiy> (дата обращения: 05.05.2023).

6. Зоркая Н. Начало // Мир и фильмы Андрея Тарковского. М.: Искусство, 1991. С. 22–36.
7. Рейфман Б.В. Формы реалистического обобщения в советском кино времен «оттепели»: фильмы о войне и фильмы о «современности» // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 4 (41). С. 40–51. DOI: 10.52173/2079-1100_2020_4_40.
8. Bulgakova O. The Russian Cinematic Culture. In Dmitri N. Shalin, 1-37 // University Libraries, 2012. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/22 (date of access: 28.05.2023).
9. Kerr A. Der Russenfilm // Russische Filmkunst. Berlin: Lichtbildbuhne, 1927.

УДК 376.3

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Мухина В.А.

Научный руководитель: Бумаженко Н.И.

COMPARATIVE STUDY OF THE LEXICAL AND GRAMMAR STRUCTURE OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Vladislava A. Muchina

Scientific advisor: Natalia I. Bumazhenko

АННОТАЦИЯ. Целью исследования является изучение особенностей лексико-грамматического строя речи учащихся с особыми образовательными потребностями. Проведенное эмпирическое исследование позволило получить новые для науки и практики данные об особенностях лексико-грамматического строя речи таких учащихся. На основе полученных результатов разработаны методические рекомендации учителям-дефектологам по коррекции лексико-грамматического строя речи учащихся с особыми образовательными потребностями. Полученные результаты используются в работе кафедры коррекционной работы при преподавании ряда дисциплин коррекционной направленности («Олигофренопедагогика», «Основы специальных методик обучения и воспитания», «Методика коррекционно-развивающей работы при интеллектуальной недостаточности» и ряда других), включены в тематику курсовых и дипломных работ для студентов специальности «Олигофренопедагогика». Кроме того, полученные результаты используются педагогами, психологами и родителями воспитанников ГУО «Вспомогательная школа № 26 г. Витебска», ГУО «Витебский городской центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации», ГУО «Специальный детский сад № 18 для детей с тяжелыми нарушениями речи г. Витебска».

Ключевые слова: особые образовательные потребности, онтогенез, лексический строй речи, грамматический строй речи, дефекты речи, предметный словарь.

ABSTRACT. The research is aimed at specification of the lexical and grammatical structure of the speech of students with special educational needs. The conducted empirical research made it possible to obtain new data for science and practice on the features of the lexical and grammatical structure of the speech of such students. Based on the results obtained, methodological recommendations were developed for teachers-defectologists on correcting the lexical and grammatical structure of the speech of students with special educational needs. The results are used in the work of the correctional work department in teaching a number of correctional disciplines, such as “Oligophrenopedagogy”, “Fundamentals of special teaching and upbringing methods”, “Methods of correctional and developmental work with intellectual disability” and a number of others. The results of this research are also included in students’ term papers and final qualification

papers written on oligofrenopedagogy and actively used by teachers, psychologists and parents of pupils at the State Educational Institution “Auxiliary School No. 26 in Vitebsk”, State Educational Institution “Vitebsk City Center for Correctional and Developmental Education and Rehabilitation”, State Educational Institution “Special Kindergarten No. 18 for Children with Severe Speech Disorders in Vitebsk”.

Key words: special educational needs, ontogenesis, lexical structure of speech, grammatical structure of speech, speech defects, subject dictionary.

В ходе онтогенеза ребенок накапливает и качественно совершенствует словарный запас, формирует системы различных форм слов и словосочетаний, овладевает смысловым значением слова, повышает уровень обобщения усваиваемых слов [2].

Актуальность исследования состоит в том, что выраженные дефекты речи наблюдаются у 40 – 60 % учащихся вспомогательной школы. В исследованиях различных авторов (Т.Б. Филичева [10], Н.А. Чевелева [10], Г.В. Чиркина [10], Р.Е. Левина [7], Р.И. Лалаева [7]) отмечается ряд особенностей лексико-грамматического строя речи у учащихся вспомогательной школы. Для них характерна бедность словарного запаса, неточность употребления слов, трудности актуализации словаря, несформированность структуры значения слова, нарушение процесса организации семантических полей. Также отмечаются искажения в употреблении падежей, неправильное согласование существительного и числительного, существительного и прилагательного и несформированность словообразования [3].

Цель нашего исследования состоит в характеристике и уточнении особенностей лексико-грамматического строя речи учащихся с интеллектуальной недостаточностью. Эмпирическое исследование проводилось на базах ГУО «Средняя школа № 17 г. Витебска», ГУО «Вспомогательная школа № 26 г. Витебска» и ГУО «Ясли-сад №29 г. Витебска». Общая выборка испытуемых – 60 учащихся. Возрастной диапазон всех обследуемых детей составил от 5 до 8 лет. Из них – 32 (53,3%) девочек и 28 (46,7%) мальчиков. На момент обследования детей 5-летнего возраста было 7 (11,67%), 6-летнего – 13 (21,67%), 7 лет – 18 (30%) и 8 лет – 22 (36,67%). Все дети, участвовавшие в эксперименте, были разделены на три группы: экспериментальная группа 1 (ЭГ1), экспериментальная группа 2 (ЭГ2) и контрольная группа (КГ).

ЭГ1 составили 20 испытуемых 7–8 лет из ГУО «Вспомогательная школа № 26 г. Витебска» с диагнозом «Интеллектуальная недостаточность легкая» по данным ПМПК ГУО «Витебский городской центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации», из них 11 (55%) девочек и 9 (45%) мальчиков, детей семилетнего возраста на момент обследования – 6 (30%), восьмилетнего – 14 (70%). ЭГ2 – 20 детей старшей дошкольной группы 5-6 лет из ГУО «Ясли-сад №29 г. Витебска», из них 13 (65%) девочек и 7 (35%) мальчиков, детей пятилетнего возраста – 7 (35%), шестилетнего – 13 (65%). КГ представлена 20 детьми 7-8 лет с нормальным психофизическим развитием из ГУО «Средняя школа № 17 г. Витебска», из них 8 (40%) девочек и 12 (60%) мальчиков, семилетнего возраста – 15 (75%), шестилетнего – 5 (25%).

С целью изучения особенностей лексико-грамматического строя речи у испытуемых были использованы диагностические методики В.С. Володиной [4].

Детям ЭГ1, ЭГ2 и КГ были предложены задания на выявление уровня речевого развития по нескольким категориям: предметный словарь, глагольный словарь, словарь признаков, грамматический строй речи. После выполнения всех 16 заданий, направленных на выявления словаря, подсчитывался уровень развития лексико-грамматического строя речи детей КГ, ЭГ1 и ЭГ2 (таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1. Состояние лексико-грамматического строя речи КГ

№	Оценка в методике, балл																Сумма	Степень
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
1	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
2	4	4	3	3	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	60	3,75
3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
5	4	4	3	3	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	60	3,75
6	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
7	4	4	3	3	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	60	3,75
8	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	62	3,87
9	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
10	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	3	62	3,87
11	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
12	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
13	4	4	4	3	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	4	62	3,87
14	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
15	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	62	3,87
16	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	62	3,87
17	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
18	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	64	4
19	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	3	62	3,87
20	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	4	3	62	3,87
Уровень	4	4	3,8	3,7	4	4	4	4	4	4	3,6	4	3,9	4	4	3,55	3,9	

Таблица 2.Состояние лексико-грамматического строя речи ЭГ1

№	Оценка в методике, балл																Сумма	Степень
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
1	2	2	2	2	3	2	2	3	3	3	3	3	1	3	2	1	37	2,3
2	2	2	2	2	3	2	2	3	3	3	3	3	2	3	2	2	39	2,4
3	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	1	18	1,1
4	2	2	2	2	3	3	3	2	3	3	2	3	1	3	1	2	37	2,3
5	3	3	3	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	2	45	2,8
6	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1	1	1	1	1	1	18	1,1
7	2	2	2	2	3	2	2	3	3	3	3	3	3	3	2	2	40	2,5
8	1	1	1	2	2	1	1	1	2	2	1	2	1	1	1	1	21	1,3
9	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	2	2	35	2,2
10	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1	2	1	1	2	1	20	1,25
11	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1	1	1	1	1	1	18	1,1
12	2	2	2	2	3	2	2	3	3	3	3	2	3	3	2	2	39	2,4
13	1	1	1	1	2	1	1	1	2	2	1	1	1	1	2	1	20	1,25
14	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	16	1
15	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	3	1	3	2	1	35	2,2
16	1	1	1	1	2	1	1	1	2	2	1	1	1	1	2	1	20	1,25
17	1	1	1	2	2	1	1	1	2	2	1	2	1	1	1	1	21	1,3
18	3	3	3	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	2	45	2,8
19	1	1	1	1	2	1	1	1	2	2	1	1	1	1	2	1	20	1,25
20	2	2	2	2	3	2	2	3	3	3	3	3	3	3	2	2	40	2,5
Уровень	1,6	1,6	1,6	1,6	2,3	1,65	1,65	1,85	2,4	2,4	1,85	2,1	1,6	1,95	1,65	1,4	1,8	

Таблица 3. Состояние лексико-грамматического строя речи ЭГ2

№	Оценка в методике, балл																Сумма	Степень
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
1	3	3	3	3	4	3	3	4	4	4	4	4	2	4	3	4	57	3,6
2	3	3	3	3	4	3	3	4	4	4	4	4	3	4	3	4	59	3,7
3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	2	2	2	2	34	2,12
4	3	3	3	3	4	4	4	3	4	4	3	4	2	4	2	3	57	3,6
5	4	4	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	61	3,8
6	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	2	2	34	2,12
7	3	3	3	3	4	3	3	4	4	4	4	4	4	4	3	4	56	3,5
8	2	2	2	3	3	2	2	2	3	3	2	3	2	2	2	2	37	2,3
9	3	3	3	3	4	3	3	3	4	4	3	3	3	3	3	3	51	3,2
10	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	3	2	2	3	2	36	2,25
11	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	2	2	34	2,12
12	3	3	3	3	4	3	3	4	4	4	4	3	4	4	3	4	59	3,7
13	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	2	36	2,25
14	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	32	2
15	3	3	3	3	4	3	3	3	4	4	3	4	2	4	3	3	51	3,2
16	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	2	36	2,25
17	2	2	2	3	3	2	2	2	3	3	2	3	2	2	2	2	37	2,3
18	4	4	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	61	3,8
19	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	2	36	2,25
20	3	3	3	3	4	3	3	4	4	4	4	4	4	4	3	4	56	3,5
Уровень	2,6	2,6	2,6	2,6	3,4	2,7	2,7	2,9	3,4	3,4	2,9	3,1	2,6	2,95	2,7	2,9	2,9	

Всех детей мы разделили на группы в зависимости от уровня сформированности лексико-грамматического строя речи (Рис. 1).

Высокий уровень сформированности лексико-грамматического строя речи (4-3,8 балла) – 17 учащихся без интеллектуальных нарушений (КГ), 2 ребенка старшей дошкольной группы (ЭГ2). Эти дети правильно показывают и называют части предметов, показывают и называют профессии, животных и их детенышей, подбирают слова, противоположные по значению (антонимы), образуют глаголы со значением передвижения, возвратные глаголы, слова-действия, близкие по значению, верно образуют существительные и глаголы множественного числа, притяжательные прилагательные, верно согласовывают прилагательные с существительными, а также верно образуют новые глаголы с помощью приставок и правильно употребляют предлоги.

**Состояние лексико-грамматического строя речи
детей КГ, ЭГ1 и ЭГ2**

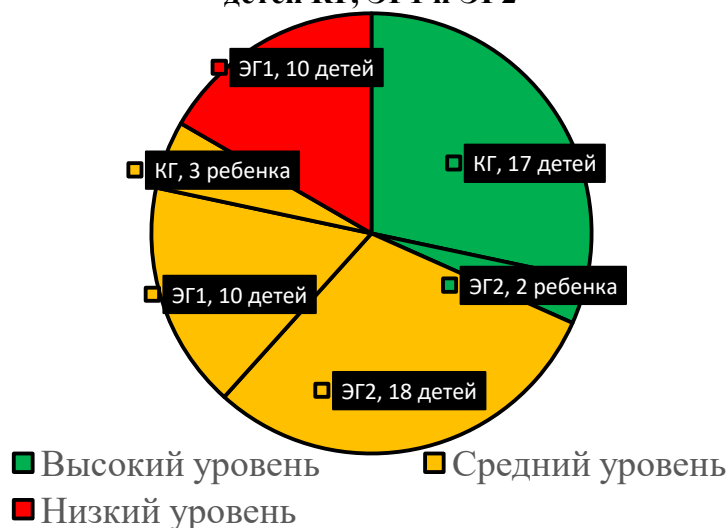


Рис. 1. Состояние лексико-грамматического строя речи детей КГ, ЭГ1 и ЭГ2
(в абс. количестве)

Средний уровень сформированности лексико-грамматического строя речи (3,7-2,1 балла) – 18 детей старшей дошкольной группы (ЭГ2), 10 учащихся вспомогательной школы (ЭГ1), 3 ребенка без интеллектуальных нарушений (КГ).

Эти дети правильно выполняли от 75% заданий, однако испытывают затруднения при назывании частей предметов, профессий, животных и их детенышей, подборе слов противоположных по значению (антонимы), небольшие затруднения при образовании притяжательных прилагательных, образовании прилагательных от существительных, а также затруднения в употреблении предлогов.

Низкий уровень сформированности лексико-грамматического строя речи (2-0 баллов) – 10 учащихся вспомогательной школы (ЭГ1). Дети выполняли не более 25% заданий. Предложенные задания вызвали множество затруднений. Часто, столкнувшись с трудностями, дети отказывались выполнять задания.

Сравнительный анализ итогов диагностики детей ЭГ1, ЭГ2 и КГ показал, что имеются как количественные, так и качественные различия в развитии лексико-грамматической стороны речи у испытуемых. Уровень лексико-грамматической стороны речи у детей КГ значительно выше, чем у детей ЭГ1, а также выше, чем у ЭГ2, однако результаты детей ЭГ2 опережают результаты детей ЭГ1.

В различных методиках уровень сформированности лексико-грамматического строя речи контрольной и экспериментальных групп различен, что можно проследить на Рис. 2, 3, 4.

Уровень сформированности лексико-грамматического строя речи у детей КГ составил 3,9 балла – высокий. У детей ЭГ1 уровень сформированности словаря составил 1,8 балла – ниже среднего, близок к низкому. Детей с высоким уровнем сформированности лексико-грамматического строя речи мы не выявили. Уровень лексико-грамматического строя ЭГ2 – выше среднего (2.9 балла).

У учащихся массовой школы процесс поиска слова проходил очень быстро, автоматизировано. У детей с интеллектуальной недостаточностью этот процесс осуществляется очень медленно, недостаточно автоматизировано.

Характерной особенностью словаря детей с интеллектуальной недостаточностью является неточность употребления слов, которая выражается в вербальных парафазиях. Проявления неточностей или неправильного употребления слов в речи детей экспериментальной группы многообразны [1].



Рис. 2. Состояние лексико-грамматического строя речи детей КГ



Рис. 3. Состояние лексико-грамматического строя речи детей ЭГ1

Нарушения актуализации словаря у учащихся с интеллектуальной недостаточностью проявляются в искажениях звуковой и слоговой структуры слова «яйцо – яйцы, яйцев», «утёнок – утёнков, утёнказ», «ухо – ухи, ухов, ух», «карандаши – карандашов», «стул – стулы, стулов», «лисий, лисья, лисьи – лиса, лисичка», «медвежья – мишка, медведь, медведя», «заячьи – зайца, заяц, зайка», «куриное – курица, курочка, курочки, курицовое» [8]. Процесс поиска слова у детей с интеллектуальной недостаточностью осуществляется не только на основе семантических признаков, но и на основе звукового образа слова. Выделив значение слова, ребенок соотносит это значение с определенным звуковым образом, перебирая в своем сознании всплывающие звуковые образы слов. В процессе поиска слова из-за недостаточной закреплённости его значения и звучания происходит выбор слова, сходного по звучанию, но и другого значения [5].



Рис.4. Состояние лексико-грамматического строя речи детей ЭГ2

В нашем эмпирическом исследовании особенностей лексико-грамматического развития детей с интеллектуальной недостаточностью мы также использовали методику, позволяющую выявить возможность подбора антонимов.

Отношения антонимии и синонимии характеризуют отношения внутри семантического поля. В связи с этим, изучение антонимии позволяет выявить точность значения слова. Выполнение заданий на подбор антонимов требует достаточного объема словаря, сформированности семантического поля, в которое включено данное слово, умения сопоставлять слова по существенному семантическому признаку. Эти задания успешно выполняются лишь при условии активности процесса поиска слова противоположного значения. Правильный поиск слова осуществляется лишь в том случае, когда у ребенка сформирован и систематизирован определенный антонимический ряд [6].

Учащиеся 7–8 лет в большинстве случаев правильно подбираюся антонимы к хорошо знакомым им словам, допуская лишь единичные ошибки. Учащиеся вспомогательной школы не смогли подобрать антонимы к прилагательным: «длинный», «широкий», «толстый», «тупой», что свидетельствует о дефиците словаря. Характерной ошибкой детей с интеллектуальной недостаточностью является воспроизведение слов, описывающих ситуацию в целом.

В процессе образования новых частей речи, дети с интеллектуальной недостаточностью часто теряют цель задания, подбирают слова по несущественным, ситуативным признакам, часто не соответствующей вопросу части речи.

Таким образом, у учащихся вспомогательной школы системные отношения между лексическими и грамматическими единицами языка недостаточно сформированы. Нарушения развития лексико-грамматического строя речи у детей с интеллектуальной недостаточностью проявляются в ограниченном словарном запасе, обедненной фразе, неправильном согласовании слов во фразе, неправильном употреблении предлогов, падежей, недоговаривании и перестановках.

У детей старшей дошкольной группы среди лексически правильных наименований встречаются многочисленные фонетические и морфологические ошибки:

1. Сокращения слов (карандаш – кандаши).
2. Переставление слогов (дерево – деверья).
2. Вставка гласных в слоги (огурцы – огурецы).

3. Увеличение числа слогов за счет вставки гласных в стечения согласных (карандаш – каранадаши, вердо – ведара, белку – белаку).

Также дети часто называли уменьшительно-ласкательные формы слов: «белочки», «мишки», у детей ЭГ2 присутствовали замены притяжательных прилагательных существительными «белочка», «белка», «мишка», «медведь», «медведя».

Анализ употребляемых детьми прилагательных показывает, что дети старшей дошкольной группы мало разбираются в существенных признаках предметов. В активном словаре почти не используют слова, обозначающие размер, состояние предмета, неудачно используют синонимы [9].

Имелись значительные трудности при образовании глаголов «стоит – стоят», «бежит – бегут», «плышет – плывут», «смеется – смеются». Некоторые дети ЭГ2 показывали движениями то, что видели на иллюстрации, но не могли оречевить. Чаще всего дети не называют глаголы, а используют слова для описания ситуации, например, вместо глаголов «прыгает», «подпрыгнула», «спрыгнула» дети отвечали «прыг-скок», «прыгать», «прыг-прыг» и т.д. Также дети путали глаголы «обошел», «вошел», «пришел», либо называли их одним глаголом «идет».

Дети владеют общими названиями предметов одежды, умывальных принадлежностей, продуктов питания, посуды. Знают и детали, но названиями некоторых деталей не пользуются и даже не всегда их знают. Часто дети заменяют существительные глаголами.

Таким образом, речевые навыки, освоенные в средней группе, оказываются недостаточно прочными. В связи с этим возникает вопрос о необходимости некоторого изменения направления работы по развитию речи детей старшей дошкольной группы.

Выявление лексико-грамматического строя речи, особенностей понимания и употребления слов, необходимо для научно обоснованного отбора содержания логопедической работы с учащимися вспомогательной школы и определения ее методик.

Поскольку в эмпирическом исследовании лексико-грамматического строя речи детей мы выявили особенности формирования словаря детей 7–8 лет с интеллектуальной недостаточностью, то, по нашему мнению, необходима специальная коррекционно-развивающая работа с учащимися вспомогательной школы, направленная на обогащение словаря, усвоение предметного, понятийного содержания каждого слова, расширение и углубление понимания семантических отношений между словами, воспитание навыков словообразования как основного средства пополнения словарного состава языка, отработку навыков правильного употребления слов в связной речи.

Список литературы

1. Бавыкина Г.Н. Формирование словаря детей дошкольного возраста: Метод. рекомендации для студентов дошк. фак. педагогический ин-тов, воспитателей дошк. учреждений. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ин-та, 1996. 29 с.

2. *Белякова Л.И.* Речевой онтогенез и значение гиперсензитивных периодов // Ребенок. Раннее выявление отклонений в развитии речи и их преодоление / Под ред. Ю.Ф. Гаркуши. М.: Воронеж, 2001. С. 7–14.
3. *Ванюхина Г.А.* Особенности организации лексико-грамматических игр в структуре семантического поля // Логопедия. 2006. №4. С. 4–26.
4. *Володина В.С.* Альбом по развитию речи. М.: Росмэн-Пресс, 2008. 95 с.
5. *Лалаева Р.И.* Логопедическая работа в коррекционных классах: Кн. для логопеда. М.: Владос, 2004. 220 с.
6. *Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В.* Формирование лексики и грамматического строя у дошкольников. М.: Санкт-Петербург: Союз, 2001. 218 с.
7. Логопедия: Учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 703 с.
8. *Лурия А.Р.* Развитие значения слов // Хрестоматия по теории и методике развития речи детей дошкольного возраста. М.: Академия, 1999. С. 195–199.
9. *Лямина Г.М.* Особенности развития речи детей дошкольного возраста // Хрестоматия по теории и методике развития речи детей дошкольного возраста: Учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 1999. С. 40 – 48.
10. *Филичева Т.Б., Чевелева Н.А., Чиркина Г.В.* Основы логопедии: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Педагогика и психология (дошк.)». М.: Просвещение, 1989. 223 с.

УДК 791.43/.45

ОБРАЗ КРЫМА В КИНЕМАТОГРАФЕ РАЗНЫХ ЭПОХ

*Терещенко Ю.А, Елфимова А.С.
Научный руководитель: Асланян О.В.*

LA CRIMÉE EN CINÉMA DE DIFFÉRENTES ÉPOQUES

*Julia A. Teretchenko, Alina S. Yelfimova
Directeur scientifique: Olga V. Aslanyan*

CRIMEA IN CINEMA OF DIFFERENT EPOCHS

*Yuliia A. Tereshchenko, Alina S. Yelfimova
Scientific advisor: Olga V. Aslanyan*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению развития киноиндустрии на территории Крымского полуострова. Крым представляет собой уникальную базу для развития отечественного и зарубежного кинематографа благодаря климатическим и природным условиям, разнообразному ландшафту, что позволяет снимать фильмы в течение всего года и оказаться в естественных декорациях практически любой точки земного шара. Авторы приводят краткую историческую справку об основании Ялтинской киностудии и ее работе, а также описывают наиболее известные фильмы различной тематики, созданные при участии киностудии. В заключительной части статьи представлена информация о перспективах развития крымской киноиндустрии и проекте по строительству на полуострове новой киностудии. Практическим результатом работы стало создание видеоролика о крымских пейзажах в отечественном и зарубежном кинематографе (режим доступа: https://vk.com/video182464669_456239091). Материалы исследования были представлены на Международном научно-практическом семинаре «Россия и Марокко: диалог лингвокультур».

Ключевые слова: кинематограф, кинопроизводство, Крым в кино, художественные фильмы, Ялтинская киностудия.

ABSTRACT. The article deals with the film industry development on the territory of the Crimean peninsula. Crimea is a unique base for the development of domestic and foreign cinema industry due to climatic and natural conditions, diverse landscapes that allow shooting films throughout the year and recreating the natural scenery of almost any point of the globe. The authors provide a brief historical background on the foundation of the Yalta Film Studio and its activity, as well as describe the most famous films of various subjects created with the participation of the Studio. The final part of the article provides information about the prospects for the development of the Crimean film industry and the project to build a new film studio on the peninsula. The practical result of the work was the creation of a video about Crimean landscapes in domestic and foreign cinematography (access mode: https://vk.com/video182464669_456239091). The research materials were presented at the International Scientific and Practical Seminar “Russia and Morocco: a dialogue of linguistic cultures”.

Keywords: cinematography, film production, Crimea in cinema, feature films, Yalta Film Studio.

La Crimée a toujours été un lieu de prédilection pour les cinéastes. Les montagnes et la mer, les forêts denses et les grottes, les ravins et les vallées, les baies, les parcs – tout cela est situé sur un petit territoire de la péninsule. Ici, on peut trouver des vestiges de villes antiques, des villes de cavernes et des forteresses médiévales, des palais. Sans quitter la Crimée, on peut créer sur l'écran les tropiques et le désert, la Méditerranée et la Taïga sibérienne, l'ouest moderne et l'est ancien. En Crimée, on peut faire des films sans beaucoup de coûts pour les décors [9]. Les conditions climatiques permettent de filmer tout au long de l'année, la variété des paysages permet de recréer la nature de presque tous les coins du Globe. Le plus souvent, la Crimée a été choisie pour le tournage car ici la saison chaude est plus longue, c'est-à-dire que les habitants de Crimée admirent le temps d'été quand l'automne et l'hiver sont déjà arrivés dans la bande centrale de la Russie. Et les montagnes à feuilles persistantes permettent de filmer l'été même en décembre. C'est pourquoi, en Crimée, on a fait et on continue de faire des films de genres différents avec une grande variété de sujets. Plus de 450 films ont été tournés ici, c'est vraiment beaucoup pour une petite péninsule [9]. On a des films pour tous les goûts et tous les âges: films historiques, d'aventure, fantastiques, films-contes, films d'action, films policiers, comédies, séries. De nombreuses œuvres d'art cinématographique sont des adaptations d'œuvres célèbres de la littérature russe et étrangère (“La Dame au petit chien”, “Le Maître et Marguerite”, “Le Prisonnier du château d'If”, “L'île Mystérieuse”, “L'Île au trésor”, etc.). Au cours des 10 dernières années, environ 35 films ont été tournés dans notre région (“Viking” – 2016, “Le Pont de Crimée. Fait avec amour!” – 2018, “Le Conte de Feodosia” – 2021).

Le premier studio de cinéma russe a été créé en 1917. On a fondé une entreprise d'état – Le Studio de cinéma de Yalta – il a été appelé la base Sud du cinéma soviétique [3]. Pendant plusieurs années, le Studio de cinéma de Yalta a fonctionné comme une base de formation pour les équipes de tournage d'Asie Centrale. Ensuite, les futurs monteurs, opérateurs, costumiers, illuminateurs et autres spécialistes de la production cinématographique sont venus à Yalta des studios nationaux d'Ouzbékistan, Turkménistan, Kazakhstan et Kirghizistan. Pendant “la période asiatique” le Studio de cinéma a créé des drames sur la lutte des peuples orientaux pour l'indépendance et la liberté des fondements traditionnels [3]. Aujourd'hui, le Studio de cinéma de Yalta est en même temps un musée, on peut faire une excursion et voir les décors des films d'époques différentes, des rues entières et même une piscine avec des vagues artificielles pour filmer les navires dans le calme et la tempête. Dans les années 70-80 du XX siècle, le Studio de cinéma de Yalta produisait 4-5 films par an. De plus, elle collaborait avec d'autres studios de cinéma et a participé à la création de leurs films.

En 2014, au niveau gouvernemental, on a décidé d'utiliser le potentiel de l'organisation. Au

cours des dernières années, le Studio est venu dans un état inadapté pour le tournage: il a fallu la reconstruction de nombreux locaux, le remplacement de l'équipement. En 2015, le Studio a été transféré sous la propriété de la République Criméenne [3]. Aujourd'hui, la restauration se poursuit et la production cinématographique en Crimée renaît. Le Studio de cinéma de Yalta a commencé à mettre en œuvre de nouveaux grands projets. Et ce n'est pas seulement le tournage de nouveaux films, mais aussi le déroulement des festivals cinématographiques annuels auxquels viennent les célèbres maîtres du cinéma russe et étranger.

Alors, la nature unique, le riche passé historique donnent l'occasion de raconter des histoires étonnantes et de créer des chefs-d'œuvre inégalés du cinéma. Ensuite, considérons quelques exemples de films tournés en Crimée aux périodes différentes. La liste ci-dessous présente des films de genres dramatiques et d'aventure.

“La Dame au petit chien” (1960). C'est une adaptation cinématographique du récit du même nom de l'écrivain russe Anton Pavlovitch Tchekhov. C'est l'histoire d'un véritable amour, amour dramatique. L'action du film se passe à Yalta, le tournage a eu lieu dans la même ville, sur le quai.

“Pirates de XX siècle” (1979). Selon le sujet, les personnages débarquent sur l'île des pirates. Tournage a eu lieu à l'ouest de la Crimée, on peut voir des grottes, la mer, la côte de sable et les montagnes de Crimée.

“Mustang le rebelle” (1975). Selon le sujet, l'action se passe aux États-Unis, dans l'État du Nouveau Mexique. C'est l'histoire dramatique d'un cheval qui n'est pas prêt à obéir à un homme. À la fin du film, il saute dans l'abîme et meurt. Tout le film a été tourné dans les environs de Feodosia et d'Aloushta, près du rocher Blanc (Ak-Kaya).

“Nouvelle Terre” (2008). Le film dépeint l'île déserte au-dessus du cercle polaire où les prisonniers condamnés à perpétuité sont envoyés. C'est une histoire de gens qui tentent de survivre loin de la société. Sur les images, on voit les pentes enneigées des montagnes de Crimée.

“Ao, le dernier Néandertal” (2010). Le pays de production de ce film est la France. Le temps et le lieu de l'action sont l'âge glaciaire en Europe occidentale. Les personnages cherchent un endroit plus chaud pour vivre. Il faut noter qu'il n'y a pas de décors artificiels, exceptionnellement les paysages naturels sont présentés [8]. Dans le film, vous pouvez voir le Mont Aï-Petri, Chatyr-Dag, la grotte de Marbre et ses environs, la Vallée des Fantômes.

Maintenant présentons des films pour enfants tournés dans la péninsule.

“À la recherche du capitaine Grant” (1986). Ce film sur les écossais qui sont allés à la recherche du commandant d'un navire anglais qui s'est écrasé, est basé sur le roman de Jules Verne *“Les enfants du capitaine Grant”*. Le film est tourné comme un Western d'aventure. Il y a tout: courses de chevaux, poursuites et cascades, indiens, aborigènes, héros de voyage à travers des endroits pittoresques, aventures en mer. En Crimée, le tournage a eu lieu dans les eaux de la mer Noire et des montagnes. Par exemple, dans le film, on voit les environs de Gurzuf, en particulier les baies d'Azur et de Tchekhov, les falaises d'adalara et d'Ayou-Dag. À propos, le célèbre mont Ayou-Dag (ou le mont d'Ours) a contribué à créer une image des îles Canaries dans le film [1]. Ce beau film est rempli d'humanisme, d'humanité, de gentillesse et de sincérité ce qui manque tellement au cinéma moderne.

En 1961, un film étonnamment beau *“Le Tarzan des mers”* est sorti sur les écrans. Les magnifiques prises de vue sous-marines, qui sont si riches en ce beau film de science-fiction, ne sont pas sans la Crimée. La plupart des images a été filmée dans la baie Sud de Laspi, avec des eaux claires et limpides. Cependant, d'autres coins pittoresques de la belle péninsule sont tombés dans le cadre, parmi eux, les environs de Sébastopol, le Soudak, le village du Noviy Svet, le légendaire volcan Kara-Dag, etc.

“Les Aventures de Bouratino” (1975). Dans différents épisodes de cette histoire de film hilarante, vous pouvez trouver des coins confortables de la côte Sud, les majestueuses Portes de Baydar, des vues spectaculaires de l'antique Chersonèse de Tauride, etc. Dans ce film les Portes de Baydar se sont transformées en un mur dans lequel un couple insidieux d'escrocs – le chat Basilio et le renard Alice – racontent au naïf Bouratino les possibilités financières extraordinaires d'un pays incroyable des fous. Dans ce pays, Bouratino suit un sentier qui passe devant la célèbre cloche

Brumaise située dans la ville antique de Chersonèse en Sébastopol [7].

“*Les Voiles écarlates*”, c'est l'un des films les plus romantiques du cinéma soviétique, l'adaptation cinématographique de la célèbre histoire d'Alexandre Green. Dans l'intrigue, il était nécessaire de filmer des scènes dans les intérieurs luxueux de la riche maison de Gray – les cinéastes ont été admis au palais Vorontsov. Il était parfaitement adapté au manoir anglais; il y avait aussi un jardin d'hiver nécessaire. Le village fictif de Caperna était situé dans la partie orientale de l'actuel Koktebel.

En conclusion, il faut noter que l'année dernière, notre gouvernement a annoncé la construction en Crimée du deuxième plus grand Studio de cinéma. La construction de la première phase devrait être achevée en 2024 [9]. Le Studio va attirer des spécialistes de l'industrie cinématographique et va rassembler les meilleures technologies de production cinématographique en Crimée. Sur son territoire, non seulement les créateurs célèbres du cinéma pourront travailler, mais les jeunes qui contribueront au développement du cinéma russe et mondial.

Les références

1. «В поисках капитана Гранта»: приключения героев Жюль Верна в Крыму [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ Крым, 2018. – URL: <https://crimea.ria.ru/20160730/1106464753.html> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Все про съемки «Человека-амфибии» в Крыму [Электронный ресурс] // Krymania.ru, 2016-2023. – URL: <https://krymania.ru/gde-snimali-chelovek-amfibiya/> (дата обращения: 15.05.2023).
3. История нашего кино: Ялтинская киностудия [Электронный ресурс] // Дом кино, 2020. – URL: <https://www.domkino.tv/news/14893?ysclid=lih8ctvhkg652948275> (дата обращения: 12.05.2023).
4. Крым в кино. Список фильмов снятых на полуострове [Электронный ресурс] // Крым Крым Крым, 21 февраля 2021. – URL: <https://dzen.ru/a/YDXeUHVu6zHw5qII> (дата обращения: 12.05.2023).
5. Крым – русский Голливуд [Электронный ресурс] // Живая история, 15 марта 2018. – URL: <https://lhistory.ru/statyi/krym-russkij-gollivud> (дата обращения: 12.05.2023).
6. Пейзажи Крыма привлекали кинематографистов на протяжении ста лет [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты», 21 мая 2015. – URL: <https://rg.ru/2015/05/21/kino.html?ysclid=lih7r2ymr7972192645> (дата обращения: 12.05.2023).
7. По местам съемок | Приключения Буратино (1975) | Крым | Севастополь [Электронный ресурс] // Исторический Крым, 2023. – URL: <https://dzen.ru/a/Y7QFnhyLeixHFDux> (дата обращения: 15.05.2023).
8. Съемки в Крыму французского фильма «Последний неандерталец Ао» [Электронный ресурс] // Краеведение. Рефераты. Туризм, 2008-2018. – URL: <http://kraevedenie.net/2009/03/13/last-caveman/?ysclid=lih7vid9as716664344> (дата обращения: 12.05.2023).
9. «Таврида» построит крупнейшую в Крыму киностудию [Электронный ресурс] // Туристический портал Крыма, 2019-2023. – URL: <https://travelcrimea.com/novosti/20230417/2789569.html?ysclid=lih8ffi74b940934116> (дата обращения: 21.05.2023).
10. Фильмы, снятые в Крыму [Электронный ресурс] // Туристическая фирма СВ-Астур, 1999-2023. – URL: <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/filmy-snyatyie-v-krymu-.html?ysclid=lhpo8a4re9319551494> (дата обращения: 12.05.2023).
11. Яковенко И.М. Крым в кинематографе [Электронный ресурс] // Атлас социокультурных процессов в Крыму, 2020. – URL: <http://atlas-crimea.ru/all/razdel-6/6-4-krym-v-kinematografe/> (дата обращения: 12.05.2023).

ECONOMICS

УДК 338.1

ВЛИЯНИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кармызова М.А., Смеричинский И.М.

Научный руководитель: Кирий И.Н.

THE IMPACT OF THE LEGALIZATION OF PARALLEL IMPORTS ON THE ECONOMIC SAFETY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maria A. Karmyzova, Ivan M. Smerichinskiy

Scientific advisor: Irina N. Kiri

АННОТАЦИЯ. Одной из стратегических задач Российской Федерации является обеспечение экономической безопасности государства. Однако, в условиях экономических санкций экономическая и национальная безопасность Российской Федерации находятся под угрозой, что напрямую влияет на все сферы жизни государства. В связи с этим Правительством РФ было принято решение о легализации параллельного импорта в Россию в целях насыщения рынка ключевыми товарами. В данной статье рассмотрены положительные и отрицательные стороны решения о легализации параллельного импорта, которые могут влиять на экономическую безопасность.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, параллельный импорт, легализация «серого» импорта, риски параллельного импорта, контрафакт, система прослеживаемости товаров

ABSTRACT. One of the strategic tasks of the Russian Federation is to ensure the economic safety of the state. However, under the conditions of economic sanctions, the economic and national safety of the Russian Federation are under threat, which directly affects all spheres of state life. In this regard, the Government of the Russian Federation decided to legalize parallel imports to Russia in order to saturate the market with crucial goods. This article discusses the positive and negative aspects of the decision to legalize parallel imports, which may affect economic safety.

Key words: Economic safety, parallel imports, legalization of “gray” imports, risks of parallel imports, counterfeit, traceability system of goods

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения экономической безопасности РФ при ведении внешней торговли в условиях экономических санкций в 2022 году, которые ударили по экономике РФ во всех торгово-промышленных аспектах. В рамках исследования рассматривается механизм совершения таможенных операций с товарами и транспортными средствами, которые перемещаются через таможенную границу ЕАЭС, а также влияние выделенных мер на экономическую безопасность РФ.

Задачи исследования заключаются в ретроспективном анализе реализации ввоза импортной продукции на территорию СССР и РФ, анализе нормативно-правовой базы, легализующей параллельный импорт, а также в оценке решения о применении данного метода в рамках РФ и ЕАЭС в целом. Цель исследования заключается в выявлении влияния легализации параллельного импорта на экономическую безопасность Российской Федерации.

Принимая во внимание исторический аспект, можно сделать вывод о том, что само понятие – «параллельный импорт» не является новым. Сама система ввоза иностранных товаров в «санкционную» Россию и СССР прорабатывалась ещё с начала XX столетия и нарастила обороты после окончания Второй мировой войны. Базой для ввоза иностранных

товаров в СССР послужил Совет экономической взаимопомощи (Далее – СЭВ). СЭВ стал альтернативой Европейскому экономическому союзу (Далее – ЕС) во второй половине XX столетия, что позволило двум идеологически враждующим блокам сотрудничать в экономическом плане, но продолжать вводить санкции друг против друга. Именно СЭВ стал площадкой для реализации программы «параллельного импорта» на рынок СССР, что позволило обеспечить весь Советский Союз импортными товарами: одежда, обувь, продовольствие, электроника, оборудования и многое другое, что не мог позволить себе произвести СССР [3,10].

Проводя параллели между XX и XXI веком, становится очевидным, что нынешняя экономическая ситуация похожа на ту, которая была в прошлом веке. Существенным отличием является лишь то, что нынешняя нормативная база Российской Федерации по интеллектуальной собственности шагнула далеко вперед, что поставило саму Россию в искусственные рамки по защите интеллектуальной собственности иностранных производителей и продавцов.

В марте 2022 года ФТС России, совместно с ФАС и Минпромторгом, приняло решение об ускорении насыщения российского рынка товарами первой необходимости. К таким товарам относятся медикаменты, продукты, технологическое и промышленное оборудование, так как именно эти товары напрямую влияют на уровень производства и производительности труда, а также на здоровье и жизнедеятельность населения, что нашло закрепление в Информационном письме ФТС России от 11 марта 2022 г. «ФТС России обеспечен первоочередной порядок совершения таможенных операций в отношении товаров первой необходимости».

В рамках программы было принято решение об упрощении порядка оформления вышеперечисленных товаров. Данный вопрос вошел в правительственный план первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях экономических ограничений [4, 5].

Важнейшим для таможенных органов изменением является снижение применения системы управления рисками, в том числе, актуализированы порядка 200 профилей риска, что само по себе подвергает государство прямой опасности в рамках совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля.

На 1 января 2022 года к категории низкого уровня риска отнесено 11 792 участника ВЭД (по состоянию на 1 января 2021 года – 11 140 организаций), на долю которых в 2021 году пришлось 76% декларационного массива и 87% уплаченных таможенных платежей (в 2020 году – 75% декларационного массива и 83% уплаченных таможенных платежей). К категории высокого уровня риска отнесено 5 855 участников ВЭД, к категории среднего уровня риска – 102 618 участников ВЭД (рис.1) [8, с. 18–20].



Рис. 1. Категорирование участников ВЭД по уровням риска на конец 2021 года

Первый заместитель руководителя Федеральной таможенной службы Руслан

Давыдов, комментируя изменение профилей риска в системе управления рисками таможенных органов, отметил, что ожидается расширения «зеленой» категории участников ВЭД до 14 тысяч. Примечательно, что именно на эти компании приходится 80% поданных таможенных деклараций и 90% таможенных платежей [9].

Вследствие проведения совместной работы между государственными органами, было издано и вступило в силу Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. №506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения гражданского кодекса российской федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». Данное Постановление, фактически, отменяет действие двух статей (п.6. ст. 1359, ст. 1489) Гражданского кодекса РФ (Далее – ГК РФ) в вопросах осуществления контроля за товарами, содержащими интеллектуальную собственность [6].

То есть, Правительство РФ законно закрепило право на ввоз продукции, которая содержит объекты интеллектуальной собственности, но не является контрафактной. В этой связи, таможенные органы ныне не будут осуществлять таможенный контроль за товарами, ввозимыми на территорию РФ и содержащими интеллектуальную собственность, без наличия лицензионного договора с правообладателем [2].

Вступил в силу Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. №1532, в котором утверждён перечень товаров, в отношении которых не применяются положения п.6. ст. 1359, ст. 1489 Гражданского кодекса РФ. Приказ содержит коды ТН ВЭД практически всех товарных групп, которые стратегически необходимы рынку России в условиях экономических санкций. Такими товарами преимущественно являются: одежда, обувь, игрушки, оборудование, запчасти для оборудования и автомобилей и пр.

Стоит отметить, что в данном документе отменяется защита на средства индивидуализации всех автомобильных брендов: Land Rover, Cadillac, Chevrolet, Volkswagen, Tesla, Skoda и т.д., что свидетельствует о том, что в нынешних экономических условиях продукция этих брендов является стратегически важной для отечественного производства, а также для ремонта и ввоза оборудования на таможенную территорию ЕАЭС [7].

Учитывая, что таможенные органы оперативно и гибко реагируют на сложившуюся ситуацию, становится очевидным, что им необходимо налаживать прямой контакт с представителями бизнеса, а также наладить информационное взаимодействие в целях снижения издержек и максимального обеспечения государственной и экономической безопасности, а также в целях предотвращения нелегального ввоза.

Принимая во внимание изменения в системе управления рисками, наиболее важным является изменение условий маркировки товаров, ввозимых на территорию РФ. Фактически, до 1 марта 2023 года импортерам разрешено ввозить товары на территорию РФ без маркировки. Регулятором данного вопроса должно стать условие обязательной маркировки до её реализации потребителю, что фактически невозможно проконтролировать.

Это создает благоприятные условия для недобросовестных участников ВЭД для ввоза контрафактных товаров, которые в дальнейшем невозможно будет отследить [9].

Подтверждая вышеописанное, в 2021 году ФТС выявила контрафактные товары на 7,2 млрд. рублей и возбудила 888 дел об административных правонарушениях, 801 из которых по ст. 14.10 КоАП РФ, а оставшиеся по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ. Для сравнения, в 2020 году показатели были на уровне 4,7 млрд. рублей [8, с.18–20].

На конец 2021 года рынок контрафактной продукции в РФ составил порядка 6,5 трлн. рублей, из которых 273 млрд. рублей занимает рынок контрафактной одежды и обуви, 72 млрд. рублей занимают брендовые кроссовки, 30 млрд. рублей в категории детских игрушек.

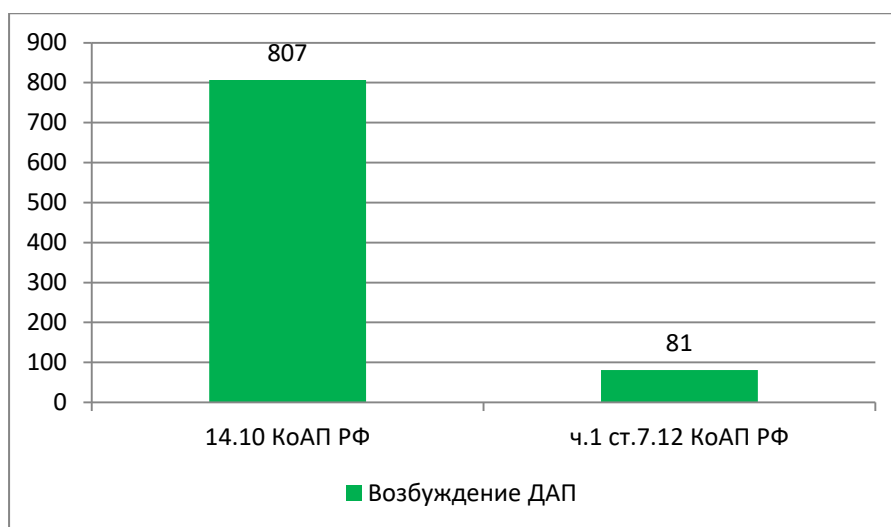


Рис. 2. Количество возбужденных дел об АП, касающихся товаров с интеллектуальной собственностью в 2021 году

Темпы расширения рынка контрафактной продукции в РФ с каждым годом увеличиваются, что ставит под угрозу экономическую безопасность государства, так как Федеральный Бюджет лишается налоговых платежей, а вместе с тем, контрафакт отнимает от годового ВВП от 4 до 6 процентов ежегодно [1].

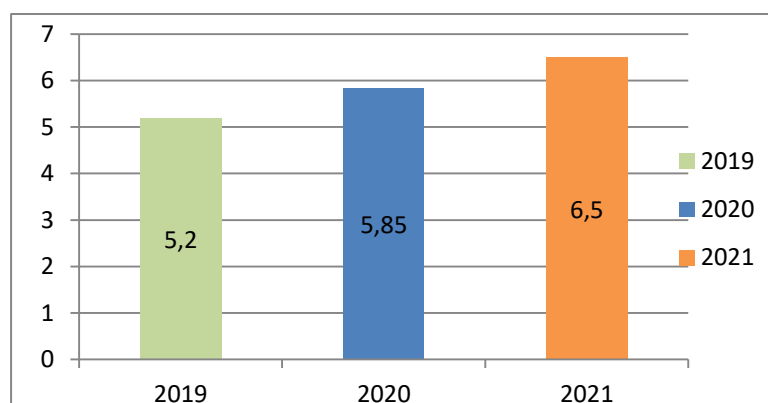


Рис.3. Рынок контрафактной продукции в РФ в 2019-2021 гг.(в трлн. руб.)

Правительство РФ планирует реализовать ввоз контрафактной продукции в рамках «параллельного импорта», но не ввоз фальсификата, что очень взбудоражило людей. Есть существенные отличия контрафактной и фальсифицированной продукции.

В нашем понимании «реализация ввоза контрафактного товара на таможенную территорию ЕАЭС в рамках параллельного импорта» означает лишь то, что оригинальный товар оригинального бренда будет ввозиться на таможенную территорию без соблюдения условий защиты прав на интеллектуальную собственность.

Контрафактный товар – это товар, в котором незаконно используются объекты интеллектуальной собственности.

Фальсифицированный товар – это поддельная продукция низкого качества, которую незаконный производитель выдает за подлинную. Фальсификаты несут реальную опасность потребителям, так как могут вредить жизни и здоровью.

Несомненно, на внутреннем рынке можно встретить товары, которые содержат в себе как контрафакт, так и фальсификат. Именно из-за этого граждане и многие эксперты отождествляют эти понятия. В рамках исследования затрагивается исключительно контрафакт без возможности добавления к нему фальсификата.

Контрафактный товар не вредит здоровью человека, а лишь нарушает права

правообладателей на интеллектуальную собственность, что противоречит ГК РФ.

Существенную выгоду от легализации параллельного импорта получают маркетплейсы, а также малый и средний бизнес. Предприниматели, выходящие на торговые онлайн-площадки, чаще всего не имеют необходимых разрешительных документов и сертификатов на иностранные товары. Разрешение на ввоз брендированных иностранных товаров скажется положительно субъекты малого и среднего предпринимательства, но стоит учитывать факт, что данная мера имеет краткосрочную, перспективу, так как в долгосрочном планировании введённые меры лишь откинут Россию от цивилизованной легитимной торговли.

Подводя итог, можно сделать вывод, что легализация «параллельного импорта» имеет как положительные, так и отрицательные стороны, на которые необходимо обратить внимание. В таблице 1 приведена сравнительная характеристика всех эффектов легализации «параллельного импорта».

Таблица 1. Сравнительная характеристика положительных и отрицательных сторон легализации «параллельного импорта»

Положительные стороны	Отрицательные стороны
Расширение ассортимента товаров	Претензии со стороны правообладателей, отказ от официального сотрудничества
Уменьшение случаев ущемления прав отечественного потребителя со стороны бренда	Ослабление таможенного контроля, усиление теневого сектора экономики
Снижение стоимости продукции брендов	Снижение качества послепродажного сопровождения и гарантий
Поддержка малого и среднего бизнеса	Нарушение гражданского законодательства

Таким образом, легализация «параллельного импорта», преследующая собой цель насыщения рынка стратегически важными товарами, является неоднозначной мерой, которая способна лишь на первых порах оказать значительный эффект по поддержанию и восстановлению экономики.

В дальнейшем, предпринятая мера может негативно сказаться на внутреннем рынке РФ, так как рынок может быть переполнен не только контрафактом, но и фальсификатом, а также недобросовестными участниками ВЭД, которые в корыстных целях будут использовать законодательные лазейки, ввозя товар низкого качества, который содержит интеллектуальную собственность, без ведома правообладателя.

Подобные последствия не только навредят экономической и национальной безопасности Российской Федерации, но и ослабят её репутацию на мировой арене.

Список литературы

1. Годовой объем торговли контрафактом в РФ. Динамика российского рынка 2021 // Brand Monitor. URL: <https://media.brandmonitor.ru/godovoy-obem-torgovli-kontrafaktom-v-rf-2021> (дата обращения 10.04.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 №230-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.04.2023).
3. Импортные продукты в СССР // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/45314110/#> (дата обращения 10.04.2022).
4. Информация ФТС России от 11.03.2022 «ФТС России обеспечен первоочередной порядок совершения таможенных операций в отношении товаров первой необходимости» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22bn0020/> (дата обращения 20.04.2023).
5. План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления / TKS.RU – всё о таможене. URL: <https://www.tks.ru/news/nearby/2022/03/18/0009> (дата обращения 29.03.2022).

6. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. №506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения гражданского кодекса российской федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» / Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22ps0506/> (дата обращения 04.04.2023).

7. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» / Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22a01532/> (дата обращения 20.04.2023).

8. Таможенная служба Российской Федерации в 2021 году // Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации». С. 18–20. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения 09.04.2023).

9. ФТС России информирует бизнес об упрощении таможенных процедур и мерах по снижению административных барьеров в условиях санкций / TKS.RU – всё о таможене. URL: <https://www.tks.ru/news/nearby/2022/03/23/0003> (дата обращения 09.04.2023).

10. Чаусов А. «Параллельный импорт» в России: история и перспективы // Медиахолдинг Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/economics/1695170-parallel/> (дата обращения 10.04.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Алина Альбертовна

Научный руководитель, преподаватель кафедры «Кафедра иностранных языков, русского и русского как иностранного», Институт инженерной экономики и предпринимательства, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия, e-mail: a_artamonova@inbox.ru.

Асланян Ольга Владимировна

Научный руководитель, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: olga.aslanyan@yandex.ru.

Богза Евгения Александровна

Студент, «Психология труда и организационная психология», ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет», Омск, Россия, e-mail: evbogza@mail.ru.

Бумаженко Наталья Ивановна

Научный руководитель, кандидат педагогических наук, доцент, ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь, e-mail: vsu@vsu.by.

Елфимова Алина Сергеевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: atolchina200@gmail.com.

Игошин Ярослав Евгеньевич

Студент, кафедра «Конструирование и технология производства электронных средств», Институт радиоэлектроники, фотоники и цифровых технологий, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия, e-mail: yaroslavie@mail.ru.

Кармызова Мария Алексеевна

Студент 3 курса Российской таможенной академии факультета таможенного дела, Люберцы, Россия, e-mail: m.karmyzova@customs-academy.ru

Кирий Ирина Николаевна

Научный руководитель, старший преподаватель кафедры таможенных доходов и тарифного регулирования Российской таможенной академии. Люберцы, Россия, e-mail: irina_kiriy_1903@mail.ru.

Комуцци Людмила Владимировна

Научный руководитель, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ltataru@yandex.ru.

Круглова Анастасия Сергеевна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: anastasiasoina@gmail.com.

Латыпова Юлия Альфритовна

Научный руководитель, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки гуманитарных факультетов», филологический факультет, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, e-mail: dzhulija.latipova@yandex.ru.

Михайлова Евгения Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Мухина Владислава Андреевна

Магистр педагогических наук, ГУО «Ясли-сад №53 г. Витебска», Витебск, Республика Беларусь, e-mail: vlada.muxina@yandex.by.

Носкова Анна Владимировна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: annagreen2003n@gmail.com.

Ожегова Татьяна Юрьевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ozhegova65@gmail.com.

Рахмангулова Азалия Маратовна

Студент, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия.

Смеричинский Иван Михайлович

Студент 3 курса Российской таможенной академии факультета таможенного дела, Люберцы, Россия, e-mail: i.smerichinskij@customs-academy.ru.

Сятрайкин Евгений Георгиевич

Студент, кафедра «Конструирование и технология производства электронных средств», Институт радиоэлектроники, фотоники и цифровых технологий, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия, e-mail: zhennyworking@gmail.com.

Терещенко Юлия Александровна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ula.terehenko@mail.ru.

Чекалов Кирилл Александрович

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, e-mail: ktchekalov@mail.ru.

Шилова Виктория Викторовна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: victoria12052001@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artamonova Alina A.

Scientific advisor, Lecturer, Department of Foreign Languages, Russian and Russian as a Foreign Language, Institute of Engineering Economics and Entrepreneurship, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia, e-mail: a_artamonova@inbox.ru

Aslanyan Olga V.

Scientific advisor, Senior Lecturer of the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: olga.aslanyan@yandex.ru.

Bogza Evgenia A.

Student, “Psychology of work and organizational psychology”, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Omsk State Technical University”, Omsk, Russia, e-mail: evbogza@mail.ru.

Bumazhenko Natalya I.

Scientific advisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus, e-mail: vsu@vsu.by.

Chekalov Kirill A.

Doctor of Science in Philology, chief researcher of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: ktchekalov@mail.ru.

Igoshin Yaroslav Ye.

Student, the Department of Design and Manufacturing Technology of Electronic Devices, Institute of Radioelectronics, Photonics and Digital Technologies, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia, e-mail: yaroslavie@mail.ru.

Karmyzova Maria A.

3rd year student, the Russian Customs Academy of the Faculty of Customs Business, Lyubertsy, Russia, e-mail: m.karmyzova@customs-academy.ru.

Kiri Irina N.

Scientific advisor, Senior lecturer of the Department of Customs Revenue and Tariff Regulation of the Russian Customs Academy. Lyubertsy, Russia, e-mail: irina_kiriy_1903@mail.ru.

Komutstsi Liudmila V.

Scientific advisor, Doctor of Science in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia Federation, e-mail: ltataru@yandex.ru.

Kruglova Anastasia S.

Scientific advisor, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: anastasiasoina@gmail.com.

Latypova Yuliya A.

Scientific advisor, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, Faculty of Philology, Bashkir State University, Ufa, Russia, e-mail: dzhulija.latipova@yandex.ru

Mikhailova Evgenia V.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Mukhina Vladislava A.

Master of Pedagogical Sciences, State Educational Institution "Nursery-garden No. 53 in Vitebsk", Vitebsk, Republic of Belarus, e-mail: vlada.muxina@yandex.by.

Noskova Anna V.

Student, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: annagreen2003n@gmail.com.

Ozhegova Tatyana Yu.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ozhegova65@gmail.com.

Rakhmangulova Azaliya M.

Student, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Shilova Victoria V.

Student, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: victoria12052001@gmail.com.

Smerichinsky Ivan M.

3rd year student, the Russian Customs Academy of the Faculty of Customs Business, Lyubertsy, Russia, e-mail: i.smerichinskij@customs-academy.ru.

Syatraykin Evgeny G.

Student, Department of Design and Manufacturing Technologies of Electronic Devices, Institute of Radio Electronics, Photonics and Digital Technologies, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia, e-mail: zhennyworking@gmail.com.

Tereshchenko Yuliia A.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ula.terehenko@mail.ru.

Yelfimova Alina S.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: atolchina200@gmail.com.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Dictum – factum:

от исследований к стратегическим решениям

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 6

Учредитель: Севастопольский государственный университет

Главный редактор Комуцци Л. В., научный редактор Иванцова Ю. А.,
Редакционная коллегия: Баранова А. В., Кабанкова Е. Н., Лобков А. Е. и др.

Компьютерная верстка – Терещенко Ю. А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Иностранные языки»
Кафедра «Теория и практика перевода»

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
тел. кафедры: +7 (8692) 435 195
e-mail: Dictum.Factum.Conf@gmail.com

ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

г. Белгород, ул. Студенческая, 16, офис 19.
Тел. 8 (910) 360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru